

Анна МАЛЫШЕВА

ИСТИННЫЙ МАСТЕР ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

ЗАВТРА ТЫ УМРЕШЬ

БЕЗДНА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАСТЕЙ, ПОРОЖДАЮЩАЯ МОИСТРОВ

Анна Малышева
Завтра ты умрешь

«АСТ»

2006

Малышева А. В.

Завтра ты умрешь / А. В. Малышева — «АСТ», 2006

ISBN 978-5-17-042817-5

Что может быть невиннее, чем случайная встреча двух старых подруг?
Что может быть интереснее, если одна готова говорить, а другая слушать?
Молодая журналистка Ника узнает, что ее подруга Наталья вот уже пять лет служит компаньонкой у жены крупного банкира. Больше та женщина не общается ни с кем, даже с собственными детьми – она страдает душевным расстройством, и порой ведет себя странно... И поэтому ее нелепая, случайная смерть выглядит закономерной, и никто не стал бы искать виновных... если бы Ника не столкнулась с ней лицом к лицу вскоре после похорон и не догадалась о том, что «банкирша», как и ее компаньонка, тоже работала по найму...

ISBN 978-5-17-042817-5

© Малышева А. В., 2006

© АСТ, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Витальевна Малышева

Завтра ты умрешь

Глава 1

– Я высказалась, а ты поступай как хочешь! – Молодая женщина резко остановилась и принялась перевязывать косынку на голове. Мужчина, следовавший за ней по пятам, остановился тоже. – Я против седьмого аквариума!

– Но не ты же их чистишь, – возразил мужчина, глядя, как жена туго стягивает на затылке узел из синего шелка и связывает концы косынки бантом. – Они не мешают!

– Как сказать! – иронично заметила женщина, оглядывая себя в тонированном стекле припаркованного рядом автомобиля. – Пять дней в неделю мы с тобой работаем, видимся только перед сном, в субботу ты весь день чистишь аквариумы и играешь со своими тритонами и лягушками, а в воскресенье мы едем на «Птичку» закупать для них провиант, песок, камни, водоросли и прочий бред! Конечно, они мне не мешают!

– Ты же любишь на них смотреть, когда устаешь после работы! – не сдавался муж. Женщина возмущенно, но не зло фыркнула. В сущности, ей уже хотелось улыбнуться – за пять лет совместной жизни им ни разу не удалось поссориться всерьез. «Идеальная пара!» – говорили про них ее подруги. Это Нике не нравилось – от слова «идеал» веяло чем-то мертвенным, да и вообще оно, по ее мнению, ничего не значило.

– Знаешь, Олег, – она с трудом сохраняла рассерженный вид, – когда я притаскиваюсь с работы без ног и почти без головы, то смотрю не на твоих тритонов, а сквозь них. Вообще сквозь все! По крайней мере, первые полчаса, пока до меня не доходит, что я дома. Тогда я начинаю различать предметы.

– Ну хорошо, – уныло сдался он. – Давай купим тебе тисс в «Садовое» – и сразу домой.

– А тритоны перебудутся без новой аранжировки?

– Потерпят, – ответил Олег таким упавшим голосом, что она не выдержала и легонько обняла его:

– Да пошли, пошли, я сама их люблю. Так, нашло что-то... Волной! Ты же знаешь, как у меня скачет настроение!

– Знаю, – повеселелой. – Знаешь, что я в тебе люблю? Ты всегда выкладываешь, что думаешь, но при этом никому не портишь жизнь.

Ника приняла комплимент как должное, тем более что свое отражение в стекле «Ниссана» ей понравилось. Она взглянула на часы:

– Сперва купим все для животных, а потом мой тисс. Часа за два управимся, так, дорога... К пяти будем дома, и...

Она вдруг запнулась, провожая взглядом проходившую мимо женщину. Та как раз миновала цветочный павильон, возле которого застряла было супружеская пара, и остановилась у следующего, возле входа которого была устроена выставка декоративных трав в горшочках. Женщина эта (Олег видел ее только со спины) в самом деле привлекала внимание. Высокая, она казалась еще выше из-за сабо на платформе. Ярко-желтый, цыплячьего цвета, джинсовый костюм вызывающе-плотно облегал ее фигуру (как отметил Олег, скорее женственную, чем спортивную). Длинные пряди платиново-белокурых волос, рассыпавшиеся по спине, казались накладными – уж очень были густыми и блестящими. Даже мужчина, чьи вкусы требовали других форм и расцветок, проводил бы ее взглядом, но что так потрясло Нику? Та стояла, замерев, не сводя глаз с женщины, склонившейся над цветочными горшками, и даже слегка приоткрыла рот от изумления. Олег легонько толкнул ее под локоть:

– Что случилось?

– Если бы не волосы... – еле слышно пробормотала Ника. – Мне кажется, я ее знаю.

– Так позови!

– Нет-нет. – Она крепко вцепилась в его руку, по-прежнему глядя на женщину в желтом костюме. – Я не уверена.

В этот миг женщина, привлекая ее внимание, подозвала продавщицу и заговорила громким и, надо признаться, не слишком музыкальным голосом:

– Десять горшков белого вереска и десять, нет, пятнадцать лилового. А эта травка сильно разрастается? Дайте три, нет, пять и еще покажите вон ту, с белыми цветочками... Это же все многолетники?

– Деменкова! Ты?! – воскликнула Ника, и женщина в желтом костюме резко обернулась. Пряди волос разлетелись по плечам, и Олег увидел сильно загоревшее, ярко накрашенное, грубовато-чувственное лицо. Со спины он дал этой женщине лет двадцать восемь – возраст своей жены. Лицо прибавило ей верных пять-шесть лет лишних.

– Зашибись... – проговорила та, выпуская из рук горшочек с вереском. Продавщица едва успела подхватить его на лету. – Ника?! Елагина? До сих пор в Москве?!

И не ожидая ответа, бросилась к Нике и сдавила ее в объятьях. Та что-то пискнула и в свою очередь обняла эксцентричную даму в желтом. Олег, успевший понять, что присутствует при встрече старых друзей, дипломатично держался в стороне. Впрочем, Деменкова успела окинуть его цепким, оценивающим взглядом светло-голубых глаз, которые из-за жирной синей подводки казались почти бесцветными. Женщины разомкнули объятья, и Ника вспомнила о муже:

– Олег, это Наташа Деменкова, помнишь, я тебе рассказывала? Мы вместе учились в институте. Наташ, это мой муж.

Олег ничего такого не помнил, но приветливо кивнул. От рукопожатия он воздержался, справедливо решив, что без него можно обойтись. Наталья Деменкова чарующе улыбнулась. Ее полные губы казались пластиковыми под жирным слоем блестящей розовой помады. Все в ней было ярким, сверкающим, чрезмерным. Она напоминала цирковую дрессировщицу – не хватало лишь ботфорт, хлыста, цилиндра и, конечно, диких зверей.

– Очень приятно. – Женщина послала ему долгий загадочный взор. – А я часто о тебе вспоминала. Все думала – за кого ты вышла, если вышла?

– Ты думала, я засижусь в девках? – рассмеялась Ника. Она очень оживилась, глаза сверкали – было видно, что встреча с этой экстравагантной женщиной неподдельно ее радует. – А я выскочила сразу, как закончила институт. Ну и, понятно, не вернулась в Питер.

– Ну и правильно, нечего всю жизнь на одном месте сидеть, – кивнула подруга. – А я вот не вышла замуж – как тебе это покажется? И наверное, уже не выйду.

Произнесено это было без тени сожаления, даже весело. Ника махнула рукой:

– Какие твои годы!

– Не в этом дело, – туманно возразила подруга. – Ты торопишься? Зачем приехали?

– Хотим кое-что купить для аквариумов, и я присмотрела в прошлый раз маленький тисс. Хочу попробовать посадить на даче. Вдруг получится?

– Добро! – кивнула Наталья. – А мне тоже кое-что надо посадить. Значит, получается двадцать пять горшков вереска, пять с травкой и три вот этих, с беленькими цветочками. Сколько с меня? – обратилась она к продавщице, успевшей упаковать товар в объемистые пакеты. – Получите! Кто-нибудь донесет все это до машины?

Продавщица с извиняющейся улыбкой развела руками:

– Сегодня я одна, грузчика нет.

– Я помогу, – вызвался Олег, подхватывая пакеты, которые оказались не только большими, но и тяжелыми. – Где ваша машина?

– У въезда на рынок! – обрадовалась Наталья, подхватывая под руку подругу. – Там, кстати, и кафе имеется. Перекусим?

И, не дожидаясь ответа, потянула за собой Нику. Олег двинулся за женщинами, попутно прикидывая, какая должна быть машина у этой особы. Ему представлялось что-то столь же эксцентричное, как хозяйка, на которую оглядывались все встречные мужчины, и он был обескуражен, узрев обыкновенную «девятку», причем довольно потрепанную и пыльную.

Наталья распахнула багажник и живо набила его горшками с растениями, бесцеремонно швыряя их как придется или ставя чуть не кверху дном. Ника, трепетно относившаяся ко всему живому, вмешалась и кое-что переставила.

– Да брось, – протянула Наталья, брезгливо отряхивая руки от приставшей земли и придирчиво осматривая маникюр. – Что им сделается!

– Помнутся, – возразила Ника, осторожно закрывая багажник. – Клумбу хочешь сделать?

– Нет, могилу, сегодня похороны, – бросила Наталья, хмуро глядя на ноготь, вызвавший у нее подозрения. – Не пойду больше к этой маникюрше, у меня все ногти на другой же день отклеиваются!

Ника ничего не ответила. Она расширенными глазами смотрела на подругу, потом перевела взгляд на мужа. Тот слегка кивнул, словно подтверждая, что жена не ослышалась.

– Подумать только, у меня все воскресенье пропало из-за того, что эта тварь загнулась! – Наталья в сердцах оторвала накладной ярко-розовый ноготь и спрятала его в нагрудный карман обтягивающей курточки. – Цветы ему еще покупай, змеюге! Может, я родственникам на могилы ничего не покупаю, а ему... Ну пойдемте, съедим по шашлычку за встречу? А то сегодня будет столько хлопот, толком не пообедаешь.

Подняв глаза, она увидела смущенные и растерянные лица супругов, удивленно подняла брови и вдруг рассмеялась:

– Да у нас змея сдохла, настоящая, питон! Два метра длиной! Сожрал что-то не то и коньки отбросил! А вы подумали, я о человеке говорю?!

– Питон? – заинтересовался Олег, проникшись еще большим интересом к новой знакомой. – У вас жил питон? И долго?

– У моей подруги, не у меня, – Наталья продолжала улыбаться, наслаждаясь произведенным впечатлением. – Я бы ни за что не завела такое... Она-то его любила, он у нее жил лет восемь, но я его видеть не могла! Честно говоря, такое облегчение, просто слов нет! – Она прижала руку к груди и завела глаза к небу. – Ведь я спать из-за него не могла – мне все казалось, что он сломает свою клетку и доберется до меня! Как он меня ненавидел – это просто фантастика! Как-то раз, когда я его кормила, он...

Продолжение захватывающей истории о том, как питон вместо своей привычной пищи – оглушенной белой мышки попытался схватить палец Натальи, не оставило сомнений в том, что почивший был ее заклятым врагом, а также в том, что она почему-то была вынуждена жить с ним под одной крышей. Все разъяснилось в кафе, уже после того, как официантка удалилась на кухню сделать заказ, а Наталья расслабленно откинулась на спинку стула и закурила.

– Сейчас моя Ксения, конечно, вся в слезах и никого другого заводить не хочет, но если вздумает купить второго... Уволюсь, ни на что не посмотрю!

– Извини, так где ты работаешь? – переспросила Ника, разогнав повисший над столиком дым. – Я не очень поняла...

– Я... – вдруг замялась Наталья, – как бы это выразиться точнее...

Она вертела в пальцах сигарету, взгляд голубых глаз, только что казавшийся жестким, стал неуверенным и забегал. Олег с Никой украдкой переглянулись, послав друг другу по немому вопросу. «Что с ней творится?» – спрашивала взглядом Ника. «Чем занимается твоя Деменкова?» – отвечал вопросом муж.

– Я компаньонка у одной богатой дамы, – хрипло, но твердо заявила наконец Наталья и, глубоко затянувшись, потушила сигарету. Тут же схватила и раскурила новую. – Только не называй меня, пожалуйста, приживалкой! – резко добавила она, хотя подруга и не думала ничего говорить. – Я зарабатываю свои деньги, а не выклянчиваю! Если бы ты видела, как я кормила этого уroda, которого сегодня зароят в саду, ты бы не смотрела на меня так!

– Как? – возразила Ника. – Я просто внимательно слушаю.

– Нет, ты смотришь на меня как на приживалку старой барыни из «Муму»! – Наталья злобно покосилась на официантку, которая вернулась с салатами на подносе. – Будто я за ней объедки подбираю и обноски донашиваю! Между прочим, она во мне нуждается куда больше, чем я в ней!

– Да я же ничего не говорю! – взмолилась подруга, сбитая с толку этим потоком эмоций. – И потом, что тут необычного?

– Действительно, сейчас каких только профессий нет, – начал было Олег, но, встретив взгляд жены, вовремя остановился. В самом деле, было совершенно невозможно предсказать, что заденет ущемленное самолюбие Натальи. Та нервно курила и брезгливо ковыряла салат пластиковой вилкой.

– Салаты в кафе ненавижу! – рявкнула она наконец, отодвигая тарелку. – Зачем взяла, спрашивается, если все равно буду только шашлык? Ох, напилась бы, но нельзя, я за рулем... Прости, Ник, нервы на взводе, все из-за питона этого проклятого... Ксения ревет, и у меня глаза на мокром месте... Я так все перенимаю...

И она в самом деле быстро промокнула глаза бумажной салфеткой, стараясь не повредить макияж. Принесли большую тарелку с тремя шашлыками, и Наталья, всхлипнув, принялась уничтожать жаренное на углях мясо. Ее нервное состояние, по всей очевидности, никак не отразилось на аппетите. Ника с мужем удовольствия от еды как-то не получали. Все их внимание поглощала Наталья, которая, заметно повеселев, оживленно рассказывала о своем диковинном месте работы. Приступ горделивой подозрительности благополучно прошел, и теперь она взахлеб хвасталась.

– Знаешь, сперва я хотела отказаться, но Ксения так меня уговаривала! И она, и ее врач, и даже ее муж – а уж его время чего-то да стоит! Он очень значительный человек. – Наталья гордо выпрямилась и потрясла куском шашлыка, наколотым на вилку. – Очень! И сам, лично, два часа подряд убеждал меня согласиться, а убеждать он умеет! Короче, я сдалась, хотя вообще-то искала совсем другую работу. Кстати, где ты работаешь, Ник?

– В иностранном отделе женского журнала, – улыбнулась та. – Переводы статей, адаптация... Сама ничего не пишу. А вот Олег пишет...

– Для мужского журнала, – вставил тот. – В основном о спорте.

– Понятно, странно было бы, если б наоборот, – кивнула Наталья. – Ну, а я после нашего с тобой журфака задумалась, что делать... Да так, задумавшись, никуда и не пристроилась. Пробовала прижиться в одном крупном издательском доме, но знаешь, это оказалось не по мне. У меня было такое впечатление, что понадобится вся жизнь, чтобы кем-то там стать, а я так не играю! Канцелярщина не по мне, к репортажам никогда не тянуло, дорогие статьи новичку писать никто не даст, своих желающих полно... А связей у меня, сама знаешь, не было. Я вообще из Саратова, – обратилась она к Олегу, – так что тыл у меня был не такой, как у Ники. Ей что – не устроилась в Москве, так вернулась в Питер. Неизвестно, где еще лучше! А мне вот домой не хотелось. Короче, с деньгами у меня было неважно, каждый месяц сомневалась, смогу ли уплатить за квартиру. И вот я подумала – черта ли мне в этой журналистике? Высшее филологическое образование есть, не пропаду. Тут мне посоветовали обратиться в кадровое агентство для домашнего персонала. Двадцать девять, диплом, коммуникабельность, приятная внешность, наконец, – не без самодовольства подчеркнула Наталья, эффектно тряхнув платиновыми локонами. – Короче, то, что они ищут, правда, иногда им требуются как

раз дурнушки... Я хотела присматривать за какой-нибудь богатой девочкой, заниматься с ней немножко в дневные часы, водить по музеям, театрам – образовывать, короче. Ну, мои данные взяли в базу, поместили там фотографию, резюме... Я заплатила за это чуть не последние деньги и стала ждать. Или нет, вру, – она вдруг рассмеялась. – Ничего хорошего я не ждала. Никаких там одиноких вдовцов с непонятными, но нежными сердцами и обручальными кольцами в кармане... Знаешь, «Джен Эйр» – не самый мой любимый роман.

– Ты и не похожа на Джен Эйр, – заметила Ника, увлеченно слушавшая подругу. Она совсем забыла о еде, и шашлык доел Олег. Наталья хлебнула из банки безалкогольного пива и закурила:

– Если бы я была на нее похожа, эта работа мне бы не светила, – убежденно сказала она. – Представь, через неделю мне звонят из агентства, просят приехать на просмотр. Еду. Смотрю – сидит в кресле вальяжный такой мужчина в твидовом пиджаке с заплатками на локтях, курит трубку, сверкает золотыми очками. Интересный мужчина, на англичанина похож. Я сперва подумала – тот самый одинокий вдовец, даже сердце екнуло, но это оказался психоаналитик моей хозяйки. Начал вопросы задавать, прямо засыпал. Я уж не помню, что он спрашивал, что я отвечала, помню только, что ушла с задуренной головой. Думала – провал, а мне в тот же вечер звонят – вы прошли, условия такие-то и такие-то, остальное при встрече...

Она выпустила клуб дыма и улыбнулась:

– Ну, а при встрече выяснилось, что «девочка»-то, за которой надо присматривать, моя ровесница. Я с ней тогда и познакомилась. Честно говоря, было очень не по себе – как же так, думала, зачем взрослому человеку присмотр? Она выглядела шикарно – классический костюмчик по фигуре, бриллианты, часы – по стоимости как средняя машина. Ухоженная, холеная – хоть сейчас в телевизор, светскую хронику вести! Я прямо оробела! Сдержанная, вежливая, никаких там «ты»... Сразу видно, образованная, из хорошей семьи, а не из анекдота про жен новых русских.

– Может, ей просто было одиноко? – Теперь заслушался и Олег.

– Да нет, не просто, – качнула головой рассказчица. – В общем, мне не полагается этого разглашать, но... Вы же никому не скажете, правда? Да и фамилии ее вы не знаете.

Супруги дружно поклялись, что никому ничего не скажут. Водоросли для аквариумов и тисс к тому моменту были прочно забыты.

– У Ксении большие проблемы с головой, – громким шепотом сообщила Наталья и значительно подняла указательный палец: – Очень серьезные! Ей бы в больнице лежать, но муж ее, несмотря ни на что, обожает и боится отпускать. Она лечится дома, ну и понятно, что лишние гости там не приветствуются. Подруги, какие прежде были, думают, что ее вообще нет в стране, представляете? С тех пор как это с ней случилось, она для всех в Испании, живет в собственном особняке у моря. Муж уже пять лет вот так ее прячет... Ну и понятно, что ей в этом большом загородном доме ужасно одиноко, хочется с кем-то общаться, дружить... Когда она стала жаловаться на одиночество, ее психотерапевт решил, что нужно найти женщину ее лет для совместного проживания и общения. Ну, и я им подошла по всем статьям.

– А они тебе? – поинтересовалась подруга.

– Знаешь, иногда я сама забываю, что мне платят деньги за то, чтобы я дружила с Ксенией, – призналась женщина, и ее резкий голос прозвучал тепло. – Я к ней очень привязалась.

– Но что с ней случилось? – сочувственно спросила Ника. История показалась ей необычной, но это было неудивительно – за годы учебы в институте и дружбы с Наташей Деменковой она привыкла к тому, что обычные вещи с той, как правило, не случаются. Наташа, как магнит, притягивала к себе необычных людей и странные обстоятельства – Олегу не напрасно показалось, что она похожа на циркачку. Ее жизнь имела так же мало общего с обычной, среднестатистической жизнью, как укрощение львов – с бухгалтерским учетом. Супруги ожидали услышать душераздирающую историю, но Наталья неожиданно просто ответила:

– Я не знаю.

– Как?! – поразилась Ника. – Ты живешь с ней не один год...

– Почти пять лет, – уточнила та. – Да, живу и не знаю. А кого спросишь? Генрих Петрович, ее психотерапевт, не отвечает, мужа теребить – это верх цинизма, он и так за жену переживает... Молча. Не такой он человек, чтобы перед кем-то плакаться! А ее саму трогать... – Наталья вздохнула и поманила официантку. – Счет, пожалуйста! Ее я спрашивать боюсь. На бегу всего не расскажешь, но она не зря сидит взаперти, бедняжка... И знаете, иногда мне кажется – она забыла, что случилось. Это просто исчезло у нее из памяти, осталось только в подсознании. Такое бывает при очень сильном потрясении. Это называется «вытеснение». Я с Генрихом Петровичем общаюсь, вот и поднахваталась, – пояснила женщина.

– А дети у них были? – спросила Ника, вдруг забеспокоившись за двухлетнего Алешку, оставшегося дома под надзором бабушки. – Может, это с ней из-за того, что умер ребенок?

– Дети и сейчас есть, двое дочерей, – удивила ее Наталья. – Близняшки, уже большие, десять лет. Живут в Англии, учатся в частном пансионе. Она к ним совершенно равнодушна. Михаил Юрьевич, ее муж, недавно туда ездил, привез кассету – целый час снимал девочек. Она хоть бы одним глазом посмотрела! – И Наталья возмущенно тряхнула платиновыми локонами.

– И так было всегда, или только после ее... сдвига? – осторожно поинтересовался Олег.

– Я знаю только то, что было после, – отрезала женщина, которой явно надоели расспросы. – Я сама появилась после. Ну ладно, меня уже там потеряли, пора ехать. Нет-нет, я угощаю! – запротестовала она, отнимая у Олега счет. – Ника, диктуй мобильный, а я тебе оставляю свой. Созвонимся, только не сегодня, ладно? Представляю, что будет с Ксенией на этих дурацких похоронах! Ведь она этого питона любила, грех сказать, больше, чем собственных детей! Только и было слышно: «Сёмочка сегодня бледный, Сёмочка вялый, у Сёмочки понос, Сёмочку пора купать...» Правда, и он ее любил! – отдала дань справедливости Наталья. – Все, целую, бегу! Теперь не теряйся!

И спустя секунду желтый джинсовый костюм уже мелькал на автостоянке. Супруги, слегка оглушенные, переглянулись.

– Она совсем не изменилась, – проговорила наконец Ника. – Только вот волосы... Раньше Наташка была рыжая.

– Занятная у нее история, – Олег все еще высматривал на стоянке ярко-желтую фигурку, – ты думаешь – это правда?

– Самое удивительное в Наташе то, что она никогда не врет, – ошарашила его жена. – Можешь назвать ее вульгарной, хвастливой, грубоватой, какой угодно – но она не врунья, и сердце у нее золотое. Иначе, как думаешь, почему я с ней пять лет жила в одной комнате душа в душу?

– Странно, что я не встречал ее, когда приходил к тебе в общагу, – заметил Олег.

– Это было на пятом курсе, а она тогда в основном жила у своего парня, – пояснила Ника. – Не успела спросить, как с ним все кончилось... Дело-то шло к свадьбе.

– И так ясно, что кончилось не свадьбой, – Олег взглянул на часы. – Ну помчались, если хочешь что-нибудь купить! Если твой тисс купили, обвинять будешь Деменкову!

Однако тисс благополучно дождался запоздавших супругов, и они успели купить на рынке все необходимое для переустройства аквариумов. На этот раз Ника была снисходительна к поискам мужа, которые обычно вызывали у нее усмешку или раздражение. Она думала о подруге, о ее странной работе и больше всего – о загадочной Ксении, живущей взаперти в богатом особняке, как принцесса в средневековом замке. Что случилось с этой женщиной пять лет назад? Чем объяснить ее странное равнодушие к собственным детям? Насколько она больна, тяжело ли с ней общаться? Наталья уверяла, что привязалась к своей подопечной, и, конечно, не врала, но все же – зачем пришлось нанимать чужого человека для того, чтобы больной было с кем поговорить? Неужели нельзя было допустить к ней подруг?

Как выяснилось, Олег думал о том же. Сделав последние покупки – десяток крупных улиток и плотик для тритонов, он неожиданно сказал:

– Я ей не завидую.

– Ты о той женщине? – догадалась жена, помогая ему уложить покупки в рюкзак.

– О твоей Наташе. Видно, конечно, что она особа добродушная и многое ей нипочем, а все-таки жить с сумасшедшей... Ты бы смогла?

– Наверное, нет, – задумчиво ответила Ника. – Здесь нужен ее характер. Она все принимает, как должное, и плохое и хорошее, переживает бурно, эмоции выплескивает – будь здоров! И для нее все проходит без последствий. А я бы все копила в себе, и кто знает, может, сама бы рехнулась.

Дома их ожидал рев заскучавшего без родителей Алеши, которого удалось подкупить лишь разрешением подержать тритонов, переезжавших в большой аквариум. Отец и сын возились в ванной, мокрые с головы до ног и безмерно увлеченные пересадкой земноводных, свекровь осталась на ужин, приготовленный ею самой, а Ника, устроившись перед телевизором с гладильной доской и утюгом, спрашивала себя, не согласилась бы она хотя бы на один вечер поменяться с Наташей Деменковой? Та, правда, находится под одной крышей с душевнобольной женщиной, но все-таки все это происходит не в однокомнатной квартире, которую в ближайшие годы вряд ли удастся поменять на большую... «Во всяком случае, я таких перспектив не вижу, – вздохнула про себя Ника, проглаживая пересохшее белье. – Алешка подрастет, и что будем делать? В комнате два компьютера, два рабочих места и три спальных. Голова кругом!» От невеселых мыслей ее отвлек громкий рев в ванной – сын обнаружил, что один из тритонов умер. Алеша всхлипывал, захлебывался, отказался есть, и его с трудом уложили в постель. Ужин ели остывшим и без аппетита. Попутно свекровь воспитывала сына:

– Я тебе говорила, что эти животные вредны для ребенка? Я предупреждала? Ладно, пусть они не разносят инфекций, но от них сырость! А сегодня?! Ты слышал, как он ревел над каким-то дохлым червяком?

– Это был испанский игольчатый тритон, мама, – сдержанно ответил Олег. – А что ревел, это, по-моему, хорошо. Это доказывает, что у него доброе сердце.

– Все равно, ему рано знать о смерти! – Галина Сергеевна была неумолима. – Никогда не слышала, чтобы Леша так плакал!

– А мне кажется, лучше, что он о ней узнал, – решила вмешаться Ника, которая в минуты таких споров ощущала себя случайной гостьей, а никак не матерью обсуждаемого драгоценного чада. – Я вообще не хочу от него что-то скрывать. Это уродует детей, делает их слюнтяями и неприспособленными к жизни.

– Ну конечно, ты же у нас эксперт! – сощурилась Галина Сергеевна. – Читала я твои переводные статейки – как удержать мужа, как завести любовника... Вот только статьи про то, как воспитывать ребенка, мне не попадалось. Может, пропустила?

Ника оставила укол без ответа и опустила глаза в тарелку. Она совершенно не умела противостоять свекрови, да и не думала, что открытая вражда была бы нормальна. Та навеки усвоила в общении с нею авторитарный тон, с трудом примирившись с тем, что в жизни почти сорокалетнего сына появилась другая женщина. Ну а то, что эта женщина не принесла с собой никакого приданого, полностью развязывало ей руки и язык. Она смотрела на сноху чуть ли не как на мошенницу, обокравшую честную семью, а Ника сознавала свое бессилие, и бесилась... Молча. Олег попросту не понял бы ее и решил, что жена все придумала. Галина Сергеевна никогда не упрекала сноху прямо, но всячески давала понять, что ее мнение ценится прямо пропорционально приданому – то есть никак.

– И потом, тебе бы и не удалось что-то скрывать от Алешки! – победоносно продолжала та. – Вы же все спите в одной комнате! Через пару годков он станет достаточно сообразительным, у него появятся кое-какие вопросы. Придется отвечать, а?

– Придется расширять квартиру, – наигранно-бодро отвечал Олег, стараясь не встречаться взглядом с женой.

– На какие шиши? – презрительно бросила мать. – Может, заставишь меня продать дачу? Это мое единственное спасение, в городе я задыхаюсь!

– Ну что ты, мама! Мы накопим. Или поставим перегородку...

Галина Сергеевна заводила этот разговор не в первый раз, сын тоже отделялся стереотипными ответами... Ника молча встала и отнесла грязную посуду в мойку. «Сейчас она уйдет, и все снова станет хорошо! – утешала себя молодая женщина. – Обычное воскресенье. Я ведь уже привыкла, тогда почему сегодня меня все раздражает?» Она снова увидела лицо подруги – оживленное, загорелое, услышала ее громкий уверенный голос и спросила себя – разве не так выглядит человек, которым никто не помыкает? «А ведь она-то чуть не приживалка, будем честны, а я... Вроде бы как член семьи. А толку?» Свекровь сменила воинственный тон на миролюбивый, как всегда, когда говорила исключительно с сыном. Краем уха Ника слышала, как они планируют предстоящую поездку на дачу и, в частности, обсуждают место, где будет высажен тисс. Она неторопливо мыла посуду, прикидывая, что свекровь уйдет самое позднее через двадцать минут – задерживаться дотемна она побоится... И вдруг поняла, что совершенно не желает ехать на эту дачу, сажать тисс, что-то планировать и обсуждать – пусть даже наедине с мужем. Она почувствовала себя чужой, лишней, нелюбимой, и на глаза предательски навернулись слезы. Такие минуты у нее бывали часто в первое время после замужества, когда она только начинала привыкать к чужой семье, сразу после родов, когда на нее накатила необъяснимая, беспричинная депрессия... И вот – опять.

– Что такое? – Муж подошел сзади, обнял ее за плечи, и Ника вздрогнула – она не слышала шагов. – Так расстроилась? Ну ты же знаешь маму.

– Знаю, – она резко высвободилась и завернула кран. – И знаю, что пожилых людей нужно уважать. И знаю, что человек она, в общем, хороший и отличный врач. Наизусть все знаю!

– Ты злишься, а я при чем? – вздохнул мужчина. – Я между вами, как меж двух огней. Хочется угодить обеим, а в результате обижаетесь опять же обе... Думаешь, она угомонится, если нам удастся поменять квартиру на большую? Найдет другую причину поворчать! Она всю жизнь читает мне нотации, а тут еще ты появилась... Лакомый кусочек! Не обращай внимания, сто раз говорил!

– Послушай. – Она с трудом сдерживала слезы, которые снова были на подходе. – На работе у нас сплетни и интриги – я терплю, сдерживаюсь, маневрирую. Дома то же самое – я терплю, молчу, когда хочется кого-нибудь заткнуть... По-твоему, человек должен терпеть круглые сутки, всю жизнь? По-твоему, он может так жить?!

– Нет! – искренне ответил муж, любясь ее гневом. – Я, например, не могу! Воскресенье – единственный день, когда мы не работаем, не убираем квартиру и не закупаем продукты на всю неделю – и именно в воскресенье мы ссоримся!

– Потому что пришла твоя мама! Могла бы тоже уважать наше воскресенье!

– Хорошо, – обреченно согласился Олег. – Я скажу, что день посещения меняется, пусть приходит в субботу после уборки. Ты права – хотя бы один день должен быть целиком нашим.

Ника хотела добавить, что ее еще больше устроил бы визит свекрови в пятницу вечером – все равно после рабочей недели она не сможет услышать и воспринять половины ее намеков и упреков, – но тут в ее сумке бодро запел мобильный телефон.

– Это с работы, – нахмурилась она, пересчитывая в памяти свои недочеты и огрехи за прошлую неделю. – Из Питера звонят по утрам.

– Так не отвечай, – предложил Олег, ненавязчиво продолжая увлекать жену в комнату. – Отключи телефон, а то Алешка проснется. У меня есть предложение...

– Знаю я твое предложение, – отмахнулась Ника. – А ты знаешь меня – если я не выясню, в чем дело и кто звонил, ничего у нас с тобой хорошего не получится. Иди в комнату, я пока отвечу.

Однако номер, высветившийся на дисплее, не принадлежал никому из коллег, обычно звонивших ей на мобильный. Ника приняла вызов и осторожно сказала: «Слушаю!»

– Это просто счастье, что я тебя нашла! – раздался в трубке знакомый голос, громкий и неестественно возбужденный. – С кем бы я теперь поговорила, а?! Просто повеситься можно с тоски!

– Наташа, ты напилась? – Ника прикрыла за собой дверь кухни. – На поминках питона, что ли?

– Сперва на поминках, потом просто так, – призналась та. – По зову сердца. Честно говоря, я частенько так делаю по вечерам. Здесь такая тяжелая атмосфера... Кажется, что дом вымер, причем давным-давно, как какая-нибудь египетская пирамида. А я, живая, сижу в нем, непонятно зачем, совсем одна.

Разжалобив саму себя, Наталья шумно всхлипнула. Судя по звукам, раздававшимся в трубке, она была вдребезги пьяна. Ника невольно улыбнулась, хотя в сущности не было ничего забавного в том, что ее подруга напилась от тоски и одиночества в пустынном загородном особняке.

– Поговори со мной, – попросила Наталья. – Скажи что-нибудь, чтобы мне не было страшно! Все равно что...

– Тебе страшно? – Ника присела к столу и понизила голос. – Почему? Ты правда совсем одна в доме?

– Нет, Ксения тут, и кое-кто из прислуги тоже... Михаила Юрьевича нет, Генриха тоже, они вместе уехали в Москву, бросили нас.

– Твоя Ксения тоже напилась?

– Что ты. – Наталья даже как будто слегка протрезвела. – Ей совсем нельзя! Она просто лежит у себя в комнате, смотрит в потолок. Молчит.

В трубке снова послышался всхлип. Нике стало не по себе, на ее лице застыла забытая улыбка. На миг ей самой стало страшно, как будто это она сидела в пустынном чужом доме, рядом с сумасшедшей женщиной, только что похоронившей своего любимого питона. Она содрогнулась, и в тот же миг услышала за стеной детский плач – это проснувшийся сын вспомнил о случившемся несчастье и снова оплакивал умершего тритона.

– У нас тоже умерла зверюшка, – сказала Ника. – Безобидное такое земноводное с оранжевым брюхом. Правда, мы ее не поминали. Наташ, а если тебе попробовать заснуть?

– Я себя знаю, ничего не выйдет! – категорично заявила та. – Ник, а приезжай к нам?!

– Ты с ума сошла!

– Почему? В самом деле, приезжай! – оживилась Наталья. – Тут несколько комнат для гостей, отлично устроишься! Я пришлю за тобой машину, пробок сейчас нет, через час максимум она будет у тебя под окнами! Ну, решайся! Не зарастай мхом!

– Я бы, может, и приехала, – улыбнулась Ника этой горячности, – но мне как-то не улыбается бросить ребенка на одного Олега. У нас по утрам такие битвы перед яслями, он его в одиночку не оденет и не накормит, а ему самому на работу пилить через весь город... Нет, не могу.

– Ребенок? У тебя ребенок? – воскликнула Наталья. – Что же ты не сказала?

– Как-то не пришлось к слову. Сын, Алешка, третий год пошел. Чувствительный бандит, иначе не скажешь.

– Мальчик? – растрогалась подруга. В трубке послышался вздох. – А у меня вот никого нет, и наверное, уже не будет...

– Не говори глупостей, тебе же всего тридцать с небольшим! – возмутилась Ника. – Муж, кстати, вовсе необязателен, и если дело только за этим... Надо просто захотеть и решиться.

– Нет, – грустно ответила Наталья. – Этого маловато. Дело даже не в том, что мне негде будет жить, я уже купила квартиру в Подмоскowie, кое-что накопила... Мне очень хорошо платят. Просто... Наверное, это я обросла мхом. Как я смогу бросить Ксению?

– Ну ты же не можешь посвятить ей всю жизнь!

– Как знать, – туманно ответила Наталья. – Здесь, в этом доме, время идет совсем незаметно. Пять лет прошли как пять дней. Все дни похожи... Знаешь, я ведь поняла, как давно живу такой жизнью, только сегодня, когда увидела тебя. Раз – и эти пять лет догнали меня и послали в нокаут! Помнишь, в «Снежной королеве» Герда попала к старушке, в саду которой цветы говорили, и потеряла там чувство времени? Так и я...

Теперь она говорила совершенно трезвым голосом. Он звучал спокойнее, и Ника тоже начала успокаиваться. Начало пьяного разговора ей совсем не понравилось.

– И потом, почему ты должна обязательно уходить, если забеременеешь и родишь? – поинтересовалась она и выслушала установившееся в трубке молчание. – Твоя хозяйка относится к тебе как к родной, сама говоришь, так что, может, оставит тебя с ребенком...

Наталья горько и коротко рассмеялась, оборвав ее на полуслове:

– Что ты! У меня в контракте прямо сказано – в случае замужества или беременности я автоматически буду уволена. Это особое условие, и я под ним подписалась.

– А разве оно соответствует трудовому законодательству?

– Генрих Петрович говорит, что это условие необходимо, иначе я причиню вред пациентке... То есть Ксении. Он сказал, что это может ухудшить ее положение. Я же ей не враг!

– Ну да, ты ее заложница! – уже в сердцах заметила Ника. – Я тебя не узнаю, ты не была такой ведомой!

– Люди меняются, – не стала спорить подруга. – Я скажу тебе больше – я боюсь даже думать о том, что уволюсь, потому что с Ксенией точно будет сильный припадок. Ты права, я будто в плену... Какой-то замкнутый круг! Сегодня, после встречи с тобой, я все думала об этом, потому так и напилась. Страшно стало, пришли какие-то похоронные мысли... Ты точно не приедешь? Тебе бы понравилось, гарантирую! Тут такая природа, рядом лес, озеро... С Ксенией общаться необязательно, она и сама к чужому не выйдет.

– А в твоём контракте не запрещается приводить гостей? – удивилась Ника. – Гуманно и... Неосторожно с их стороны! Откуда они знают, что это не повредит больной?

– Есть оговорка: гости должны быть женского пола и без детей, – уточнила Наталья. – Тогда ничего ей не повредит. Ксения не выносит вида семейных пар, и особенно с детьми. Да что там – она и собственных детей не выносит, я же говорила. Короче, проблемы у нее тяжелые, не сомневайся, но тебя бы они не коснулись.

– А знаешь, я как-нибудь приеду. – Ника сделала знак мужу, нетерпеливо приоткрывшему дверь. – Вот распутаюсь немножко с делами на работе, посажу кое-что на даче... Этак недельки через две, идет?

– Обманешь, не приедешь! – обиженно сказала подруга, и на этом их разговор закончился, к большой радости Олега. Узнав, кто звонил, он высказал мнение, что теперь жена может забыть о спокойных вечерах – скучающая в загородной золотой клетке подруга будет регулярно требовать любви и сочувствия. Та пожала плечами – ей и самой пришла в голову такая мысль.

– Надеюсь, на самом деле ты не собираешься туда на экскурсию? – поинтересовался Олег, увлекая жену в комнату, где уже горел зеленый ночник. Супруги передвигались почти ошупью, опасаясь что-нибудь задеть и разбудить ребенка.

– Конечно нет, – шепотом ответила Ника, развязывая пояс халата. – Я пообещала просто так, чтобы ее успокоить.

Она говорила не вполне искренне, но именно этого ответа ждал ее муж, а ради сохранения мира в семье Ника не считала вредным иногда приврать. Олег обнял жену и, щекокнув ей шею горячим дыханием, шепнул, что очень любит и, хотя весь день был рядом, ужасно соскучился. Она ответила неопределенным коротким смешком и, прижимаясь к нему, мельком подумала, что, несмотря на все свои неприятности, крупные и мелкие, она куда счастливее подруги, связанной странным контрактом и еще более странными собственными страхами. Еще раз она вспомнила о Наталье через полчаса, проваливаясь в глубокий блаженный сон. Та на миг приснилась ей в образе Герды, играющей с говорящими цветами в зачарованном саду, над которым не властно само время. В ярком коротком сне не было ничего страшного, но Ника тут же проснулась, как всегда просыпалась от кошмаров. «Эта часть сказки всегда меня пугала, – подумала она, переворачиваясь на другой бок и слушая дыхание спящего мужа. – Даже не знаю почему. Цветы рассказывают о мертвых... Старуха останавливает время в своем саду... Мне казалось, что именно там Герда была в наибольшей опасности, хотя в сказке только там ей ничто вроде бы не угрожало. Но это было слишком похоже на саму смерть!»

От мрачных мыслей ее отвлекло тихое, сонное всхлипывание сына – тот и во сне не переставал оплакивать тритона с оранжевым брюхом. Через минуту он затих, и вскоре в маленькой квартирке все спали.

Глава 2

Рабочее утро тридцать первого августа Ника через пять минут после прихода в редакцию окрестила безумным, а через пятнадцать назвала сумасшедшей саму себя – за то, что не догадалась прогулять такой заведомо пропащий день. Иностраннный отдел журнала, в котором она работала третий месяц, с тех пор как сын пошел в ясли, был заражен школьной лихорадкой. Большая часть сотрудниц готовилась отправить чад за знаниями, а их бездетные коллеги и матери малолетних детей, поддавшись всеобщему возбуждению, тоже утратили интерес к работе. Ника тщетно пыталась работать, спрятавшись в своем уголке за монитором компьютера и парой цветочных горшков, символически отгораживающих ее «зону» от общего пространства офиса. Она старалась вдуматься в текст переводной статьи, но сбивал гул голосов, обсуждающих достоинства и недостатки школ, в которые должны были отправиться дети. Ника давала себе слово не слушать, но при этом машинально настораживалась, вылавливая из беспорядочного гомона интересную информацию. «Через какие-то четыре года это ждет и меня! – с ужасом думала Ника, возвращаясь к несчастной статье. – Алешка вырастет, не заметим! Све-кровь права, мы с Олегом сумасшедшие фаталисты! Ребенку нужна будет своя комнатка, а чего стоит хорошая школа?! Вон, послушать только! Как мы выдержим? Справимся ли? Да, но другие-то выдерживают, значит, сможем и мы. Главное, не психовать заранее!»

Ее скромный рабочий энтузиазм разделял только случайно забредший в редакцию внештатный сотрудник, иногда писавший для журнала социально-психологические очерки. Он без труда выпросил себе соседний с Никой компьютер – его хозяйка тем временем яростно отстаивала перед подругами достоинства круглосуточных школ-пансионов – и теперь копался в архиве, отыскивая какой-то старый материал. С Никой они были знакомы шапочно, но когда он с ней заговорил, она сразу вспомнила его редкое имя.

– А у вас что, нет школьников? – спросил он, с интересом поглядывая на соседку, уткнувшуюся в компьютер.

– Лет через пять появятся. – Ника поправила сползшую на лоб косынку, в этот день оранжевую. Привычку носить косынки она привезла с собой еще из Питера, переняв ее у старшей сестры-художницы. Олегу эта мода нравилась. Он говорил, что жена в этих косынках поверх длинных русых кос, свободно падавших на спину, напоминает ему комсомолку времен нэпа. – Так что пока могу только посочувствовать подругам. А знаете, Ярополк, я хочу вас кое о чем спросить...

– Вообще-то Ярослав, – вежливо поправил тот и засмеялся, увидев ее смущение. – Ярополк – это псевдоним. Мне лично это имя больше нравится, да и всем моим знакомым девушкам тоже.

Тощий, подвижный, вечно облаченный в бесформенные штаны с накладными карманами и растянутые яркие свитера, ее собеседник напоминал скорее студента, чем практикующего психолога, всерьез занимающегося написанием научно-исследовательских статей. Для полноты образа не хватало лишь сползающих с носа очков, но, судя по всему, зрение у Ярослава было в порядке. В его первое появление Никино внимание привлек хруст – зашедший в редакцию гость непрерывно грыз громадное зеленое яблоко, а покончив с ним, достал из кармана второе. С тех пор, видя его, Ника каждый раз отмечала, что его вкусы не изменились – он по-прежнему истреблял яблоки в неограниченных количествах. Очередное лежало перед ним и сейчас – на этот раз красное, с блестящими боками, еще не надкушенное.

– Мне тоже кажется, что Ярополк интереснее, – решила она сделать комплимент. – Особенно для того, кто подписывается под статьями...

– Ну, мне до вас далеко! – Ярослав продолжал дружелюбно улыбаться. – Эника Елагина – вот что звучит! Ведь это не псевдоним?

– Нет, все правильно. В моем случае надо благодарить папу. Ему хотелось называть дочь Никой, но он считал, что это сокращенная форма, а полное имя Вероника мне не подойдет. Так что взял и придумал свое собственное, эксклюзивное. Спасибо, Земляникой не назвал!

– Наверное, назвал бы, если бы вы жили в Америке! – подхватил шутку Ярослав. – Там за просто называют детей Яблоками, например!

– А он и живет сейчас в Чикаго. – Ника снова отвернулась к монитору. – Кстати, откуда у вас такая любовь к яблокам? Только на моих глазах вы, наверное, килограммов десять съели!

– Приятно узнать, что ты кому-то небезразличен! – снова смутил ее веселый сосед. – Значит, для вас я – мужчина с яблоками. А вы для меня – девушка в платочке. По-моему, пора перейти на «ты»?

Она легко согласилась с его предложением, тем более что ей начинало казаться, что этот парень очень подходит для доверительного разговора, который ей не терпелось начать.

– Так вот, я тебя, как психолога, хотела спросить вот о чем. – Ника сделала знак подвигнуться ближе, и заинтригованный Ярослав подъехал к ней в кресле на колесиках. – Представь себе ситуацию. Богатый загородный дом, с прислугой и охраной. В этом доме уже пять лет безвыходно живет женщина лет тридцати. Ее там держит муж, потому что не хочет отправлять жену в больницу. Он пытается скрыть ее душевное состояние даже от близких подруг и не пускает их общаться с женой. Все думают, что она живет в Испании. Он оплачивает ее личного психиатра, купил ей услуги компаньонки, чтобы жене не было одиноко. С женщиной пять лет назад что-то случилось, а что – даже эта компаньонка не знает. Она не выносит вида детей, даже собственных, так что те живут за границей. Вообще, не любит ничего, что касается замужества, беременности, это может нанести ей травму. Что ты можешь сказать обо всем этом?

Лицо Ярослава становилось все более серьезным по мере того, как она рассказывала, взгляд – все более цепким и внимательным. Первым делом он поинтересовался, не идет ли речь о реальном лице?

– Потому что если это так, то ясно, что эта женщина стала жертвой и своего мужа, и этого мудрого личного психиатра!

Удрученная Ника не ответила, но по выражению ее лица Ярослав понял, что попал в точку. Он нахмурился:

– Ник, пойми, ты сейчас рассказала мне о настоящем кошмаре! Муж, наверное, боится неприятной огласки, вот и предпочитает бороться с ее болезнью домашними средствами. А этот психиатр для них там царь и бог, и, конечно, он не собирается упускать такую дойную корову! Женщина больна, а они держат ее взаперти, в изоляции, как прокаженную! И какой бы там ни был богатый муж, он не может создать ей на дому настоящую больницу, обеспечить все процедуры, терапию... Ты можешь связаться с этой женщиной?

– Наверное, – вконец растерялась Ника. – Через подругу... Моя подруга и есть ее компаньонка... Неужели все так серьезно? Она говорит, что муж для ее хозяйки готов луну с неба достать...

– Он может быть благороднейшим человеком, но он не врач! – отрезал Ярослав. – И я тебе скажу, что этот психиатр тоже ведет себя вразрез с врачебным кодексом. Хотел бы я с ним увидеться!

– У тебя такой вид, будто ты готов набить ему морду, – заметила Ника. – И не кричи, на нас уже смотрят! Как знать, может, и увидишься. Эта история не давала мне спать, и вот я решила посоветоваться со специалистом. Мне самой казалось, что ситуация ненормальная, и ты подтверждаешь... Тут по крайней мере есть над чем подумать. Знаешь, у меня ведь была когда-то мечта – заниматься журналистскими расследованиями, а не этим... – Она грустно кивнула на монитор, где мерцал текст переводной статьи. – Конечно, если получится статья, то не для нашего журнала.

– А я, наверное, никогда не стану настоящим журналистом. – Ее собеседник вытащил яблоко и с нервным хрустом надкусил его. – Для тебя это материал для статьи, а для меня – врачебное преступление. Как увидеть эту женщину?

Ника задумалась:

– Я могу это сделать, меня туда пригласили, а ты... С тобой ничего не получится, ты мужчина, а туда пускают только гостей женского пола, причем строго без детей.

– Час от часу не легче! И твоя подруга считает, что там все в порядке?

– Представь, да. Возможно, надо все увидеть своими глазами... Вот я и увижу! – окончательно решила Ника. – Позвоню и напрошусь в гости!

– Возьми фотоаппарат! – Ярослав выудил из глубокого кармана серебристый чехольчик размером с сигаретную пачку. – Цифровой, умеешь пользоваться?

– Разберусь. – Она спрятала его в сумку. – Что снять?

– Все, а особенно всех. Кого только удастся. – Глаза у парня азартно горели, он резко жестикулировал надкусанным яблоком: – Ее саму, этого психиатра, ее мужа, всех!

– А если они будут против? Боюсь, им не понравится, что их снимают, ведь предполагается, что хозяйка пятый год проживает в Испании.

– Делай это по возможности незаметно. – Ярослав развел руками и уронил яблоко. Оно с громким стуком покатилося по полу, вызвав оживление в офисе. Теперь на них действительно смотрели все. Ника с улыбкой встала из-за стола, настигла беглое яблоко у каблука начальницы и с той же улыбкой бросила его в корзину для мусора. Странно, но ее действия как будто пробудили прочно задремавшую рабочую совесть сотрудниц отдела – те явно стушевались, уяснив, что трудится одна Ника, оживленный разговор увял, и вскоре все разбрелись по своим местам. Ярослава попросили освободить кресло, и Ника вышла проводить его в коридор.

– На нас будут смотреть как на потенциальных любовников, вот увидишь! – предупредила она своего нового приятеля. – Ты к нам без дела не заходи, а если захочешь со мной поговорить, звони, я выйду.

Они обменялись телефонами, причем Ярослав дал и домашний, предупредив, что звонить можно даже ночью.

– Я живу один, так что никто меня от ревности не зарежет! – С этими словами заметно посерьезневший после разговора психолог удалился. Ника еще раз взглянула на его визитки – их было две. «Ярополк Лузевич, член Союза журналистов», – лаконично сообщала одна, напечатанная на матово-белом картоне. «Ярослав Игоревич Лузевич, психотерапевт, кандидат медицинских наук», – с достоинством представлялись серебряные буквы на зеленоватой тисненой карточке. «Ярослав Игоревич! Прямо не Лузевич, а Рюрикович!» – усмехнулась она, пряча визитки в карман джинсов. Когда Ника вернулась в офис, там была уже вполне обычная рабочая атмосфера – насколько она может быть рабочей сразу после сдачи номера, когда никто никуда не спешит. Авралы и истерики начинались, как правило, в двадцатых числах каждого месяца. Ника наконец сумела вдуматься в текст переводной статьи и уже прикидывала, как ее можно будет адаптировать на русской почве – на ту же тему, но с более насущными проблемами и местными героями, – когда у нее в сумке запел мобильный телефон. Муж часто звонил ей незадолго до обеденного перерыва, но на этот раз номер был незнакомый. «Ярослав соскучился?» – Ника нажала на кнопку отзыва, ожидая услышать его голос, но заговорила женщина.

– Извините, что звоню, но меня попросила ваша подруга, Наташа, – сказала та. – Она сама сейчас говорить не может.

– А что случилось? – испугалась Ника. Заметив на себе любопытные взгляды сотрудниц – сегодня она была обречена на всеобщее внимание, – женщина поспешно вышла в коридор. – Что с ней?

– С ней-то порядок, только подойти она не может. – Голос звонившей звучал скорее устало, чем тревожно. – Она очень просит вас приехать, мы пришлем машину с шофером. Только скажите точно, куда.

– Прямо сейчас? – Ника взглянула на часы. – Я на работе.

– Наташа правда очень просит, – настойчиво повторила женщина и, замаявшись, прибавила: – И я тоже. Извините, я не представилась. Меня зовут Ольга, я здесь работаю горничной. Кажется, вы в курсе наших дел...

Она произнесла это осторожно, как человек, привыкший взвешивать свои слова. Ника так же уклончиво согласилась:

– Немного. Так что случилось? Зачем нужна я?

– Понимаете, мы с Наташей обе думаем, что ее нужно отвлечь. – Теперь женщина явно волновалась, хотя и пыталась это скрыть. – Этот питон, надо же... Она все время говорит о нем, плачет, нервничает больше обычного... Если бы вы приехали, она бы переключилась на вас и взяла себя в руки. Наташа говорит, вы идеально подойдете.

– Это лестно, конечно, – слегка обиделась Ника, в этот миг забывшая о том, что ее целью как раз и был визит к загадочной затворнице. Ее уязвила мысль, что она будет использована в качестве игрушки для богатой дамы. – Но, может, лучше позвать ее врача?

– Не лучше, – категорично отрезала женщина. – И потом, ни Генриха Петровича, ни Михаила Юрьевича сейчас здесь нет. Вы правда нам очень поможете!

К этому моменту Ника уже взяла себя в руки. Предложение было необычным, но что в этой истории не было таковым? В сумке лежал цифровой фотоаппарат. Мужа больной женщины и ее психиатра – главных врагов, как полагала Ника, – дома не было.

– Хорошо, пришлите машину, – согласилась она, выждав для приличия полминуты и выразительно вздохнув. – Это далеко от Москвы?

– Ну что вы, вас быстро довезут! – обрадовалась горничная. Ее голос помолодел и зазвонел. – Будний день, завтра 1 сентября, все едут в Москву, а не за город! Диктуйте адрес!

За рулем черного «Ниссана» сидел худой мужчина лет пятидесяти с серым, изрезанным глубокими морщинами лицом. Он едва взглянул на подошедшую Нику и скупно подтвердил, что это он за ней и приехал. Она села сзади и сразу отказалась от мысли что-то выведать у этого человека – к доверительной беседе тот не располагал. Около часа, пока машина томила в московских пробках, Ника молча страдала под звуки радио и нервный рев клаксона – шофер постоянно маневрировал, пытаясь быстрее вырваться из города. Однако стоило им оказаться на МКАД, пытка кончилась и «Ниссан» бешено рванул по полупустой трассе. Ника видела, что скорость иногда переваливает за сто двадцать километров в час, но это мало ее беспокоило – она чувствовала, что за рулем высокий профессионал. Вскоре они свернули с кольцевой дороги, миновали окраину подмосковного города, несколько кирпичных коттеджных поселков, растянувшихся по берегу реки, и остались на дороге, сузившейся до одной полосы, совсем одни. Машина сбавила ход, и Ника могла вдоволь полюбоваться мелькающим по обе стороны строевым сосновым лесом, не оскверненным ни единой постройкой. Еще одна маленькая речка, мостик с белыми бетонными перилами, поворот – и они медленно подъехали к решетчатым высоким воротам, ведущим, казалось, прямо в лес. За воротами виднелась кирпичная сторожка. Из нее, не торопясь, вышел охранник в черно-сером камуфляже, махнул рукой, и ворота разъехались, впуская машину. Через минуту Ника вышла и жадно вдохнула густой сосновый воздух, разом опьянивший ее. На миг ей показалось, что она очнулась от тяжелого, сумбурного сна – сна о работе, уличных пробках, городском шуме и смоге. Здесь было оглушительно тихо, только сосны ровно шумели в вышине – день выдался ветреный.

– Пробки в центре, да? – Из сторожки появилась маленькая коренастая женщина лет сорока, одетая в джинсы и широкую черную майку. – Уже полчаса тут караулю. Это я говорила с вами, я – Ольга. Идемте скорее, Наташа ждет.

И повела ее к дому, который виднелся за соснами чуть поодаль. Подходя ближе, Ника начала различать детали. Это оказался самый обыкновенный, типовой кирпичный особняк в два этажа с мансардой и большим балконом. Его архитектура явно не преследовала цели кого-то удивить, в сущности, дом представлял собой красную кирпичную коробку. Он казался громоздким и начинал раздражать со второго взгляда, так же, как окружившие его зеленые газоны, выглядевшие пластиковыми, и фонари на чугунных столбах. «А что ты ожидала увидеть?» – спросила себя Ника, попутно решая, стоит ли заснять этот дом на «цифру».

– Мы с Наташей одни, кухарка сегодня выходная, кроме нас только Ринат, он вас привез, и охранник, – рассказывала Ольга, ведя гостью к дому. – А ситуация правда аховая. Обычно Ксения Константиновна быстро успокаивается, но сегодня даже таблетки не помогают. До Генриха Петровича дозвониться не можем, а Михаил Юрьевич, по-моему, не понял, в чем дело. Мы позвонили, сказали, что она очень волнуется, все время плачет, а он посоветовал чем-нибудь ее развлечь. Сказал, что может вообще не приехать ночевать. Вот так... Если бы не вы, не знаю, что б мы делали!

– А вызвать другого врача не пробовали? – поинтересовалась Ника, хотя приблизительно знала, каков будет ответ.

– Другого нельзя, это надо согласовать.

– С психиатром или с мужем?

– С обоими. – Ольга цепко окинула ее взглядом. – А как вы думаете, разве можно иначе?

– Ну в том случае, если ваш Генрих Петрович недоступен, можно и нужно вызвать другого специалиста!

Эта мысль не вызвала никакого отклика у Ольги – она только пожала полными плечами, поднимаясь на веранду, украшенную вазонами с лимонными деревьями. Оттуда они попали в гостиную на первом этаже – полупустую комнату, декорированную дубовыми темными панелями и охотничьими трофеями. Над огромным камином, выложенным необработанным красным камнем, красовалась громадная, ему под стать, кабанья голова с торчащими клыками, на полу лежала медвежья шкура, опять же с головой, в углу с неприкаянным видом стоял олень. Ника содрогнулась, увидев это сборище чучел, а Ольга, заметив это, усмехнулась:

– Тут планировалось что-то вроде охотничьей комнаты, но Михаил Юрьевич передумал, не доделали.

– Он охотится?

– Да что вы! – отмахнулась женщина. – Ему дизайнер навязывал, он согласился. А когда стали делать, ему разонравилось... Таки бросили. Идемте, нам на самый верх!

Она указала на чугунную винтовую лестницу в углу. Поднимаясь вслед за горничной по узким ступеням, Ника думала о том, что подобная гостиная – отнюдь не лучшее место для женщины, страдающей душевным расстройством. Такая комната могла испортить настроение даже вполне здоровому и жизнерадостному человеку. Впрочем, помещение на втором этаже, куда они попали, тоже нельзя было назвать уютным. Голые белые стены смотрели холодно и неприветливо, большие окна были закрыты жалюзи – это придавало комнате казенно-больничный вид. В углу виднелся домашний кинотеатр, рядом – несколько кресел, передвижной бар и пара столиков. Вся эта мебель казалась попавшей сюда по ошибке, и Ника снова поежилась. Дом не нравился ей все больше и больше, и она уже не могла этого скрывать.

– Удивляетесь здешней обстановке? – От Ольги не укрылось выражение ее лица. – А кто бы стал этим заниматься? Михаил Юрьевич занят, да и не большой любитель декора... Он вряд ли замечает, что ест, не говоря о том, на чем сидит или спит. Весь в работе. Ну,

а Ксения Константиновна... – Горничная вздохнула, начиная подниматься по лестнице еще выше, в мансардный этаж. – Ей тоже все равно.

– Когда же был построен дом? – поинтересовалась Ника. У нее на языке вертелся вопрос: «До того, как хозяйка заболела, или после? Когда ей стало все равно, в каком доме она живет?» Ольга слегка удивленно взглянула на нее:

– Когда построен? Точно не скажу. Во всяком случае, до того, как я сюда поступила, а я тут дольше всех служу, седьмой год... Все, мы пришли. Всю мансарду занимает хозяйка.

Они оказались в просторном холле, имевшем, в отличие от предыдущих помещений, вполне обжитой и даже уютный вид. Наклонные стены персикового цвета были прорезаны узкими одностворчатыми окнами, сквозь которые в комнату щедро лился свет. Его яркие прямоугольники лежали на блестящем паркете, будто желтые коврики. На одном из таких «ковриков» нежилась полосатая серая кошка. Завидев гостей, она приподняла мордочку, вопросительно мяукнула. Ольга засмеялась:

– Их тут полно. Хозяйка любит животных.

– А хозяин? – Ника продолжала оглядываться. Она заметила в стене напротив две светлые сосновые двери. Обе были закрыты.

– Михаил Юрьевич вряд ли знает, что тут живут кошки.

А знает ли он, что тут живет еще и его жена, подумала Ника, но благоразумно промолчала. Ольга подошла к левой двери и легонько постучала. Оттуда донесся голос Натальи:

– Приехала?

Дверь распахнулась, и Нику заключили в крепкие дружеские объятия. Она успела ощутить отчетливый запах коньяка, а когда подруга отстранилась и она увидела ее лицо, сомнений не осталось – Наталья была порядочно навеселе. Ее веки припухли и покраснели, лицо слегка отекло, а голос звучал сдавленно и хрипловато.

– Я боялась, что ты обманешь! – Она схватила Нику за руку и втащила в комнату. – Оля, спасибо!

– Тебе спасибо! – загадочно ответила та и удалилась. Наталья прикрыла дверь и замесалась по комнате, пытаясь навести порядок – как видно, мысль об этом пришла ей в голову только сейчас. Ника удивленно оглядывалась. В этой большой, светлой, обставленной дорогой мебелью комнате, несомненно, жила ее подруга – все носило отпечаток ее личности. Широкая кровать с небрежно постеленным бельем, на столе перед открытым окном – поднос с остатками завтрака, куча косметики перед огромным, уходящим в потолок трюмо, и разбросанные книги везде, куда падал глаз. Примерно такой же беспорядок царил и на ее половине комнаты в общежитии, где они прожили вместе почти пять лет. Наталья была не то что врагом порядка – скорее, она просто не имела о нем понятия, и лишь инстинктивно понимала, что делает что-то не так.

– Не суетись, ничего нового я не увидела, – Ника присела в пышное кожаное кресло небесно-голубого цвета. Кресло еле слышно вздохнуло. – Где твоя хозяйка?

– У себя, это за другой дверью. – Наталья бросила в раздвинутые двери шкафа охапку смятой одежды и закрыла его. – Не смотри на меня так, я не пьяница. Просто пыталась забыться. Была горячая ночка!

– И вся эта трагедия из-за питона?

– Да какое там! – отмахнулась Наталья и, подойдя к столу, налила себе остывшего кофе. – Сперва-то да, а потом... Помнишь, как нас учили на истории – убийство эрцгерцога Фердинанда было только поводом для начала Первой мировой войны, а не ее причиной. Не Фердинанд, так кто-нибудь другой сгодился бы. Так и тут...

– И ты думаешь, я смогу ее привести в себя?

– Нет! – категорично ответила подруга. – Это уже пять лет никому не удастся. Но ты увидишь, она сразу возьмет себя в руки перед чужим человеком. Она стесняется и понимает, что больна.

– Что ты ей обо мне сказала?

– Правду. Что встретила вчера на рынке институтскую подругу, что ты славная, общительная, с тобой интересно.

Ника польщенно улыбнулась:

– Спасибо за такой портрет... И, по-твоему, этого хватит?

– А вот посмотрим! Не выпьешь для храбрости?

Ника отказалась, и Наталья, пожав плечами, плеснула в кофе изрядную дозу ликера. Опустошив чашку и облизав губы, она повела подругу знакомиться с хозяйкой этого большого неуютного дома, спрятавшегося вдаль от оживленных трасс среди вековых сосен. Наталья даже не постучала в соседнюю дверь, а просто нажала на ручку и открыла ее.

– Это мы, – крикнула она. – Приехала Ника!

– Заходите! – раздался в ответ негромкий мелодичный голос. В следующий миг, переступив порог комнаты, Ника увидела его обладательницу.

– Рада познакомиться, – продолжала хозяйка особняка, протягивая руку, не вставая с кресла. – Ко мне редко приезжают гости, мы живем в такой глуши! Присаживайтесь. Наташа сказала, что вы журналистка, это правда?

Ника осторожно пожала холодные тонкие пальцы хозяйки и уселась в соседнее кресло. Она была сбита с толку и если явилась сюда с определенными планами, то теперь попросту не понимала, как себя вести. Ксения выглядела абсолютно нормальным человеком, а держалась даже уравновешеннее многих людей, с которыми сегодня общалась Ника. Ее миловидное тонкое лицо было слегка подкрашено, светлые волосы аккуратными прядями падали на открытые загорелые плечи. Ксения была одета в свободную белую блузу, оттенявшую загар, короткие брючки горчичного цвета, мягкие кожаные туфли без каблуков. На шее у нее красовалось жемчужное кольцо, на запястье – дорогие, но неброские часы. Она выглядела как женщина, давно привыкшая к большим деньгам и не видящая никакого удовольствия в том, чтобы их демонстрировать. Комната, где она принимала гостей, была похожа на нее саму – светлая, аккуратная и безукоризненно выдержанная в едином стиле. Гладкие зеленоватые стены, простые занавески из белой органзы, сияющий паркет соломенного оттенка, полированная сосновая мебель. Одну стену целиком, от пола до потолка, занимал громадный аквариум, который сразу приковал взгляд Ники. Населявшие его рыбы – все большие, диковинные, от ярких красавиц до уродливых смешных чудищ, – казались инопланетянами, с холодным любопытством созерцавшими трех женщин.

– Вы любите рыб? – поинтересовалась Ксения.

– Вообще-то я к ним спокойно отношусь, а вот мой муж... – начала было Ника, но осеклась. Сюда нельзя было приходить посторонним мужчинам, так может, и упоминать о них не стоило? Однако Ксения только доброжелательно заулыбалась. Положительно, в этой привлекательной, спокойной, воспитанной женщине не было ничего безумного! Ника всегда полагала, что сумасшедших можно узнать по глазам, но светло-синие, широко расставленные глаза хозяйки особняка не давали никаких оснований для подозрений. Они были чуть усталыми, чуть печальными, в них читался интерес к новому человеку, внимательность, легкая светская настороженность – и только.

– Ваш муж увлекается аквариумистикой? – любезно поинтересовалась она. – Наташа, дай мне, пожалуйста, пепельницу. Ника, не желаете чаю, кофе? Может, коктейль? Наташа у нас специалист по коктейлям.

– Да, я тут от скуки накупила кучу руководств и потихоньку научилась, – кивнула Наталья, ставя на стол пепельницу. – Времени много, материала – залейся... Если ты меня уволишь, Ксень, я заделаюсь барменшей в каком-нибудь крутом гольф-клубе!

Ксения засмеялась и помахала в воздухе раскуренной сигаретой:

– Ну да, и выйдешь замуж за миллионера! Признайся, ты об этом мечтаешь? С женихами здесь туго...

– Брось! – грубовато оборвала ее Наталья. – Ты же знаешь, что я шучу. Значит, тебе яблочный сок, мне «Голубые Гавайи»... А тебе, Ник, я сделаю совсем легонький! Соглашайся!

Ника кивнула, и подруга исчезла за дверью, немusыкальнo, но бодро что-то напевая. Ее настроение заметно улучшилось. Как только Наталья закрыла дверь, Ксения резко повернулась к госте, ее глаза сощурились, взгляд стал оценивающим и цепким. У Ники что-то сжалось внутри – сидящая напротив женщина стала совсем другой, и усиленная было бдительность теперь была тревогу. «Она нарочно прикидывается спокойной, все сумасшедшие такие! Как я позволила Наташке уйти!»

– Зачем вы приехали?

Вопрос был донельзя конкретен, прозвучал отрывисто и насмешливо, и Ника почувствовала, как ее сердце сделало несколько лишних ударов. Надо было отвечать, а у нее перехватило горло. Ксения усмехнулась, и эта кривая усмешка ей не шла.

– Любопытно посмотреть на сумасшедшую? – также резко, отрывисто продолжала она. – Вам ЭТО про меня сказали?

«Говори немедленно!» – приказала себе Ника и с трудом разомкнула пересохшие губы:

– Нет! Совсем нет!

– Как нет? Вы журналистка, подруга сказала вам, что служит у богатой сумасшедшей дамы, вы и заинтересовались. – Она прикурила одну сигарету от другой и глубоко затянулась. – Неужели Наташа не сказала, что у меня не все дома?

– Она не...

– Не врите, у вас не получается! – оборвала ее Ксения. – Так она и сказала, и еще много чего прибавила.

На этот раз Ника сочла за лучшее промолчать. Она никак не ожидала оказаться в таком дурацком положении и не видела способов из него выпутаться. Ксения продолжала недобро улыбаться, но ее глаза из жестких сделались печальными.

– Я на вас не обижаюсь, это понятное любопытство, – сказала она, наконец наладившись смущением своей гостьи. – Да еще при вашей профессии... Я в самом деле нездорова, ну, а в какой степени, этого Наташа, разумеется, знать не может. Возможно, я сама этого не знаю! – туманно добавила она. – Я на вас набросилась, потому что вы уж очень заметно меня изучали. Неприятно чувствовать себя рыбой в аквариуме! Все на тебя смотрят, а деться некуда. Так зачем вы все-таки приехали?

– Наташа сказала, что вы очень расстроены из-за питона, – осторожно призналась Ника. – Что вас надо отвлечь.

– И вы согласились выступить в роли новой игрушки? – покачала головой Ксения. – Вам это приятно?

– Она очень просила.

– Так вы приехали из жалости ко мне, из чувства дружбы или все-таки из любопытства?

– Да пожалуй, тут было всего понемногу! – откровенно призналась Ника, и напряжение внезапно спало. Женщины одновременно улыбнулись. Ксения откинулась на спинку кресла и глубоко вздохнула:

– Ну все к лучшему! Признаюсь, я рада, что вы приехали, хотелось просто расставить точки над «и». Не смотрите на меня, как на доктора Джекила, ради бога! В мистера Хайда я

не превращаюсь, людей не кусаю и вниз головой под потолком не висну. Материал для статьи про новых русских из меня не сделаете?

Ника прижала ладони к груди, и хозяйка приняла эту немую клятву:

– Ну так буду считать, что у меня появился новый друг. А насчет питона Наташа, конечно, права – я вчера была не в себе... Привязываешься к ним ко всем больше, чем к людям. Животные лучше людей, как вы считаете, Ника?

– Может, в чем-то и лучше, – согласилась та. – Все на свете относительно.

Ксения хотела что-то ответить, но тут дверь широко распахнулась, и появилась Наталья с подносом. Хозяйке достался зеленый яблочный сок, подруги взяли по коктейлю.

– За знакомство! – предложила Наталья, и все чокнулись. – У меня есть предложение – оставить Нику на ужин, что бы она там ни говорила!

– Я не могу! – запротестовала было та, но Ксения, привстав, положила руку ей на плечо. Она склонилась над Никой, и та ощутила слабый запах ее духов.

– Мы ужинаем рано, в восемь, – просительно произнесла она. – А перед ужином можно погулять по нашему лесу. Оставайтесь!

Наталья послала подруге многозначительный взгляд, в котором ясно читалась та же просьба. Победенная Ника сдалась:

– Я с удовольствием. Место у вас тут дивное! – Она едва не прибавила, что здорово было бы погулять здесь с ребенком, но вовремя остановилась. – Я только предупрежу мужа.

Она вышла в холл и плотно прикрыла за собой дверь. Олег, услышав голос жены, замороченно ответил, что у него куча работы, а узнав причину ее звонка, взвился на дыбы:

– Ты будешь развлекаться за городом, а я должен один возиться с Алешкой?! Ты в своем уме, нет?! Я даже не успею его вовремя забрать из яслей!

– Попроси маму, – ответила Ника, пытаясь говорить спокойно.

– Ты же слышать о ней не хочешь!

– Я ЕЕ слышать не хочу, – уточнила она. – И потом, она любит возиться с ребенком, и ей нетрудно его забрать, ясли рядом.

– А что я ей скажу, когда она спросит, где ты?

– Скажи, что я встречаюсь с героем будущей статьи, – посоветовала Ника. – А то она часто забывает, что я тоже работаю.

– Я сразу понял, что после встречи с твоей драгоценной Наташей у нас начнется новая жизнь! – раздраженно выкрикнул Олег. – Теперь ты будешь сбегать с работы к ней в гости, а вечерами болтать с подружкой по телефону! А с ребенком будет возиться моя злая мама!

– Послушай, это несправедливо! – У Ники начал дрожать голос. – Я не сбегая ни с работы, ни от вас с Алешкой. Тут другое... Я объясню!

– Да уж придется объяснить! – рявкнул он и дал отбой. Ника, поморщившись, спрятала телефон в карман. Первым побуждением было объясниться с Ксенией, отказаться от приглашения на ужин, уехать домой. «Действительно, что я тут делаю? – пыталась она урезонить саму себя. – Я не собираюсь писать никакой статьи. Фотографии можно сделать хоть сейчас, под предлогом, что я, мол, всегда снимаюсь с новыми знакомыми. Ксения не откажется, наверное. Меня ждут двое мужчин, одному из которых недавно исполнилось два года. Я давно уже не вольная студентка, которая отвечает только за саму себя, да и то с грехом пополам!» Но доводы разума не действовали, чувство ответственности за сына (обычно преувеличенное) глухо бастовало. Ника была обижена на мужа... Нет, зла! «Как будто я когда-нибудь увиливала от своих обязанностей! А их у меня, честно говоря, больше, чем у него! И вот, стоит разок попросить меня подменить, разражается истерика!»

Она вернулась к двери, нажала ручку... Дверь не поддавалась. Ника удивленно нахмурилась, повторила попытку и убедилась, что дверь заперта изнутри. Она собиралась постучать, решив, что сама случайно захлопнула дверь, но, услышав шум за дверью, остановилась. Теперь

она ясно слышала Наталью – та горячо и быстро что-то говорила, так что слов было не разобрать. Ее речь перемежалась короткими всхлипываниями и вскриками – это был голос Ксении, сдавленный, искаженный, дрожащий. Вдруг голоса смолкли, дверь резко открылась внутрь, так что Ника отшатнулась. Наталья быстро вышла и закрыла дверь, так что разглядеть ничего не удалось.

– Не стой столбом, идем! – Она утащила подругу к себе в комнату и заперлась изнутри на ключ. – Не помогло!

– Что случилось? У нее... Припадок?

– Да! – прорычала Наталья, хватая бутылку ликера и делая большой глоток прямо из горлышка. – Вот тебе и ужин при свечах, вот тебе и прогулка по парку! До Генриха не дозвониться, чтоб его! За что ему такие деньги платят!

– Послушай, – Ника сжала пальцы в кулаки, заметив, что они начали дрожать. – Ей нужна помощь, и срочно! Как это выглядит?

– Иди и посмотри! – Наталья сделала еще один глоток и закурила. – С меня хватит!

– Я сейчас же вызову «скорую»! У нее есть страховой полис? Ты знаешь, где он?

Наталья смерила ее уничижительным взглядом:

– Ты сюда приехала, чтобы научить нас, тупых, как себя с ней вести? Ей не нужна «скорая», во всяком случае, такая, как для нас, простых смертных. А полис... Знаешь, при таких деньгах ей не нужен даже паспорт!

Не давай советов богатым людям, вот что я тебе скажу, моя милая!

– Но как-то же она успокаивается? – не сдавалась Ника. – Или богатые люди, по твоей теории, делают это как-то по-своему?

– Ей помогают таблетки или уколы, или сеанс с Генрихом, или все вместе, или... Вообще ничего! – Наталья устало опустилась в кресло и прикрыла глаза. – Неудачный день. Вот за такие дни мне и платят деньги!

– Но почему это с ней вдруг случилось? Только что все было хорошо! Я просто поверить не могла, что с ней что-то не в порядке! Нормальнейшая с виду женщина!

– С виду... – пробормотала Наталья, чуть приподняв отяжелевшие веки. – Это с ней всегда случается внезапно. На ровном месте. Думаешь, я за пять лет не пробовала вычислить, отчего она вдруг впадает в эти состояния? Думала, может, о чем-то нельзя говорить, чего-то нельзя делать... Все напрасно, нет никакой закономерности. Я иногда злюсь на нее ужасно, начинаю думать, что она просто избалованная богатая истеричка, которой нравится нас всех мучить... Но это не так!

Наталья глубоко вздохнула и раздавила окурок в переполненной пепельнице.

– Короче, прости меня за это приключение и езжай домой, – сказала она, наклоня вперед и растирая ладонями отекавшее лицо. – А я пойду к ней. Попыток самоубийства никогда не было, но я все равно не хочу оставлять ее одну. Найдешь дорогу или позвать Олю?

Ника хотела было отказаться от помощи провожатой, но тут же передумала. Ольга, по ее словам, служила здесь дольше всех, седьмой год. Что бы ни случилось с хозяйкой, это случилось при ней.

– Позови ее!

Подруги расцеловались на прощанье, и Наташа крепко стиснула гостью в объятьях:

– Не сердись! Я хотела как лучше и даже думала, что получилось... Она так хорошо держалась при тебе! А как только ты вышла, сразу затряслась, стала задыхаться, ну и... Обычный набор. Я позвоню тебе, когда буду посвободнее. Прости...

Вошедшей горничной хватило одного взгляда, чтобы понять – затея с отвлекающим маневром провалилась. Она покачала головой и сказала, что ничего иного и не ждала.

– Это у Ксении Константиновны никакому контролю не поддается, иначе ее давно бы уж вылечили. Ну попробовать-то стоило... Жаль, что не вышло, и вас отвлекли.

– Скажите, Ольга, ведь вы помните время, когда этих припадков с вашей хозяйкой не было? – спросила Ника, когда они оказались на первом этаже, в охотничьей гостиной. Горничная остановилась и плотно прикрыла открытую дверь на веранду.

– Ведь вы работали здесь до того, как это случилось?

Ольга, не отвечая, смотрела на нее, будто ожидая продолжения, и вместе с ней смотрели на Нику бывшие кабан, олень и медведь. Их стеклянные тусклые глаза не выражали ровно ничего – так же, как слегка сощуренные глаза горничной.

– А что с ней все-таки случилось? – не выдержала Ника.

Ольга, будто проснувшись, вздрогнула и расширила глаза.

– Не знаю, – просто ответила она. – Никто из прислуги не знает. Даже Наташа, а она-то для хозяйки как подруга.

– Но вы работаете здесь семь лет!

– И что? – невозмутимо возразила Ольга. – Семь лет назад в этом доме никто не жил, он был обставлен так, как видите, – с бору по сосенке. Я просто приглядывала за ним, немного прибиралась. Тут был еще сторож, вот и вся прислуга. А потом отделали мансарду, привезли туда мебель, вещи... И саму Ксению Константиновну. Она уже была такая, как сейчас. Другой я ее не знала.

– Это было пять лет назад?

– Где-то так, – Ольга открыла дверь. – Вы извините, у меня дела. Найдете дорогу к воротам? Рината уже предупредила, он отвезет вас, куда скажете.

И горничная безмолвно исчезла за дверью. Когда Ника вышла на веранду, ее уже там не было. Женщина спустилась с крыльца, отошла от дома и, остановившись, оглядела его на прощанье. Угрюмый, настороженный, немой, он ответил ей непроницаемым взглядом чисто вымытых темных окон. Даже когда Ника отвернулась и пошла к воротам, она чувствовала этот взгляд спиной. Она села в поджидавшую машину, решетчатые ворота раздвинулись, освобождая путь, по бокам дороги снова замелькали стройные красные сосны, а женщина все еще ощущала неприятный холодок между лопатками.

Глава 3

– И что?

– Да ничего! – Она понизила голос, хотя Олег вряд ли мог расслышать то, что говорилось в закрытой ванной комнате под шум льющейся воды. Ника бросила в ванну горсть ароматической соли, и в воздухе запахло лавандой. Она уселась на бортике поудобнее и прижала телефон плотнее к уху. – Я никого не сфотографировала, ничего не узнала и, честно говоря, ничего толком не поняла. Ясно одно – они не пустят к ней постороннего врача. Даже обсуждать этого не хотят. До ее личного врача дозвониться не могли, но скорее злились, чем паниковали.

– Какие таблетки ей дают? – взволнованно спросил Ярослав.

– Не спросила.

– Надо узнать. Ты говоришь, не заметила никаких странностей в поведении?

– Все бы так себя вели!

– И самого припадка не видела, знаешь только со слов подруги, что случилось?

– Да, к сожалению... А может, к счастью.

– Думаешь, у тебя есть шанс попасть туда еще разок?

Ника задумалась и поболтала рукой воду в ванне.

– Наверное, да. Я понравилась Ксении, а она, как ни странно, понравилась мне. Я так хотела у нее остаться подольше, что даже с мужем поссорилась! Мы до сих пор не разговариваем.

Вернувшись домой раньше обещанного и неслезанно обрадовав этим Олега, Ника сухо дала понять, что изменила планы ему в угоду. Это было фальсификацией... И хорошей местью за его вспышку несправедливого гнева по телефону. Она подчеркнуто внимательно занялась ребенком, накормила, выкупала и переодела его, после чего заявила, что сама нуждается в ванне. Запершись, Ника набрала номер Ярослава и дала ему полный отчет о поездке. Сама она считала, что съездила неудачно, но он ее разубедил.

– Ты многого достигла, познакомилась, понравилась, теперь только не потеряй контакта! Я считаю, сегодня ты слишком легко сдалась и согласилась уехать. Можно было остаться!

– Я растерялась, – призналась Ника. – В другой раз не оплошаю. Ярослав, а что мы будем делать, когда выясним, что этот психиатр ее попросту эксплуатирует и калечит? Поднимем шум?

– А то нет? У меня есть связи на телевидении. Если там узнают про такую фишку, взвоят от восторга! Нужны только факты... Может, твоя подруга что-то не так поняла насчет врачебного наблюдения, и все под контролем, этот Генрих только курирует пациентку на дому...

– За пять лет у нее была возможность все понять ТАК! – возразила Ника. – Ярослав, прости, у меня набралась ванна, и я уже на ногах не стою.

Попрощавшись и пообещав форсировать ситуацию, она забралась в ванну и, вытянувшись в теплой душистой воде, расслабленно закрыла глаза. Прошедший день казался невероятно длинным, из него легко можно было сделать два обычных. Он и распадался на две части – привычную, московскую, и подмосковную, где все было тайной, заманчивой и пугающей. «Но разве я испугалась? – удивилась она слову, случайно пришедшему на ум. – Нет! Разве что под конец, когда уходила... Хотя как раз тогда пугаться было некого. Просто все в целом так подействовало... И мне ужасно не нравятся эти чучела зверей внизу! Среди них сам себя ощущаешь жертвой таксидермиста!»

«Кто ее муж? Пожалуй, это важнее всего, и Ярослав со мной согласен. Чем он занимается? Горничная говорит, он работоголик, не обращает внимания на быт. Таких легче легкого обвести вокруг пальца всяким проходимцам. Этот психиатр предложил снять с его плеч все заботы о больной жене, при этом замаскировав от окружающих ее состояние... И муж с радо-

стью согласился! Уверена, он считает, что ему крупно повезло, и ни за что не согласится ссориться с психиатром. А тот, конечно, поставил условие, что других врачей к больной не допустят».

Ника ушла под воду с головой и лежала так некоторое время, слушая глухой шум в ушах.

«Чем больше думаю обо всем этом, тем ужаснее все кажется. Замкнутый круг. А как его прорвать? Наташа любит эту несчастную женщину, она добрая, решительная, трусостью в жизни не страдала, но и она стоит на том, что другие врачи не нужны! Вопрос номер два: кто таков на самом деле этот роковой Генрих? Лучше всего свести его с Ярославом, он быстро разберется, с кем имеет дело!»

Ника вынырнула, протерла глаза, быстро вымыла голову и встала под душ. Домашние дела, скромные, но неотложные, требовали ее участия, но весь вечер, стирая белье, стоя то у раковины, то у плиты, она думала о женщине, спрятанной от мира в загородном особняке, притаившемся среди вековых сосен. Она видела, как сгущаются сумерки вокруг неприветливого красного дома, как зажигаются окна в мансарде, как ровно шумят от ветра деревья, окружившие дом. Зажглись фонари на чугунных столбах, и на веранду с бокалом коктейля и сигаретой вышла высокая светловолосая женщина, уже нетвердо стоящая на ногах. Она видела, как мерцает, вспыхивая и тускнея, огонек сигареты, освещающая грубоватое лицо Натальи, и это видение было таким ясным, что Ника застыла с ложкой в руке, забыв попробовать суп. Она никогда не тяготела к мистике, считая себя совершенно уравновешенным и рациональным человеком, и тем удивительнее была пришедшая из ниоткуда уверенность, что ее подруга сейчас стоит и курит на веранде.

– Что, так и будешь дуться? – донесся до нее голос мужа – как будто издалека. Ника очнулась и попробовала остывший суп. Он был безнадежно пересолен. «Мама сказала бы, что я влюбилась».

– Я спрашиваю, так и будешь играть в молчанку? – Олег заметно нервничал. – Из-за такой чепухи!

– Для меня это было работой, – сдержанно ответила она, принимаясь разбавлять водой пересоленный суп. – Мне надо было задержаться.

– Ну и задержалась бы! – бросил он. – Я-то думал, ты в гостях.

– А если бы и в гостях? Я не имею права поехать в гости?

Они никогда еще не ссорились по такому поводу, и муж растерялся, не найдя ответа. Свободного времени у обоих супругов было одинаково мало, так что у них не возникало вопросов, как и с кем его проводить. Они неизбежно отдавали его друг другу, жалея только о том, что мало бывают вместе... И вдруг один из них заявил о своих правах на самостоятельность.

– Хорошо, – наконец ответил Олег, и в его голосе звучала сдавленная обида. – Тогда я тоже буду брать отгулы от семьи.

– Я не возражаю.

– Только предупреждай меня заранее, а не ставь перед фактом, как сегодня! И что это за работа такая, хотелось бы знать?

Ника, отвернувшись к плите, только пожала плечами.

– Ты не скажешь? – окончательно обиделся муж.

– Сказать пока нечего, и кстати, во многом потому, что я там не осталась. Если хочешь провести журналистское расследование, надо забыть, что у тебя есть дом. – Она накрыла кастрюлю крышкой. – Может, это вообще не для меня... Ладно, если будешь смотреть телевизор, сделай потише, я ложусь спать.

Она быстро постелила постель и, лежа в темноте, слабо разбавленной светом ночника, снова попыталась представить себе особняк среди сосен. Теперь она не видела на веранде женской фигуры с сигаретой, все фонари, кроме одного, погасли, окна в мансарде были темны.

Усиливался ветер, сосны шумели мощно и ровно, слышались первые шлепки крупных капель по вымощенной дорожке – начинался дождь. Здесь, в Москве, за окном ее комнаты стояла тихая ясная ночь, но за городом – Ника была уверена – уже вовсю шел дождь. Ее вдруг потянуло туда, потянуло с такой силой, будто здесь ее ничто не удерживало, будто здесь у нее не было ничего дорогого, ничего своего. Это чувство было настолько сильным и пугающим, что она вскочила и босиком подошла к кровати, где спал сын. Алеша дышал спокойно и ровно, с забавной важностью оттопырив нижнюю губу и слегка чему-то хмурясь во сне. Ника склонилась, осторожно поправила одеяло и на цыпочках вернулась в постель. С кухни доносились приглушенные звуки телевизора – муж смотрел футбол. Она впервые легла спать, не пожелав мужу спокойной ночи, но самым странным было то, что это вовсе ее не мучило и не тревожило. «Неужели я изменилась? – спросила она себя, проваливаясь в сон. – Разве можно измениться за день?»

Ника уснула, не ответив себе на этот вопрос, и уже не слышала, как в комнату вошел муж. Он остановился у постели и некоторое время стоял над изголовьем, вглядываясь в лицо спящей жены. Только что, ища у нее в сумке таблетки от головной боли (Ника всегда носила их с собой), он наткнулся на цифровой фотоаппарат. находка насторожила и озадачила его – жена никогда не фотографировала сама, при ее офисной работе это было совершенно лишним. Ника никогда не мечтала заниматься журналистскими расследованиями. Он всегда знал, во сколько она вернется домой, – за исключением трех дней в месяц, когда сдавался номер. Она была предсказуема, надежна, проста, как и вся их жизнь, налаженная методом проб, ошибок и взаимных уступок. Эта жизнь совершенно устраивала Олега и, как он думал до сегодняшнего дня, Нику тоже... И вдруг – ее внезапный бунт, беспочвенный, вздорный, ни к чему не ведущий...

– Ты всерьез решила стать вольным стрелком? – тихо спросил он, склоняясь над спящей женой.

Ответа не было.

* * *

Свет единственного зажженного фонаря не достигал веранды, окна охотничьей гостиной были темны, и потому женщина в мокром дождевике, взбежавшая на крыльцо, резко вскрикнула, чуть не столкнувшись с высокой фигурой, преградившей ей путь.

– А-а-ах! – она отшатнулась и едва не упала со ступенек.

– Что ты орешь? – женским голосом осведомилась напугавшая ее фигура. – Ксению разбудишь.

– Это ты! – отрывисто выдохнула Ольга, отбрасывая на спину полиэтиленовый капюшон и поднимаясь на веранду. – Зажгла бы свет! У меня чуть сердце не оборвалось!

– А кого ты ожидала увидеть? – Наталья чиркнула зажигалкой, и огонь на миг осветил ее полные губы с зажатой сигаретой. – В доме ты да я, да куча кошек... Ну и Ксения, конечно. Забор надежный, охрана не спит, мы здесь, как в сейфе! Нервы разгулялись, что ли?

– Можно подумать, ты спокойна! – огрызнулась Ольга, освобождаясь от дождевика и вешая его на перила веранды. – Дай сигарету. Смотри, какой дождь припустил! Наверное, начальство сегодня не приедет. Я спрашивала на вахте, им никто не звонил.

– Не приедут, и не надо, – Наталья поднесла ей зажженную зажигалку. – Кому они тут нужны?

– Тебе точно не нужны! – язвительно заметила горничная, раскуривая сигарету. – В таком виде лучше им на глаза не попадаться!

– А что они мне сделают? – В голосе Натальи зазвенел лихой пьяный вызов. – Уволят?

Она засмеялась и, выставив руки под дождь, набрала в ладони воды. Плеснув ею в разгоряченное лицо, женщина заговорила уже спокойнее:

– Они отлично знают, что тогда устроит Ксения, так что мне на их ругань – тьфу!

– А на себя тебе тоже – тьфу? – укоризненно ответила Ольга. – Послушай, это же происходит на моих глазах, вот уже пятый год! Ты спиваешься!

– Глупости! – Наталья тряхнула мокрыми волосами. – Пара коктейлей от скуки, это не называется...

– Не пара!

– А ты считаешь?

– Да! От скуки! – парировала Ольга. – И честно тебе скажу, я давно уже гадаю, кто из вас двоих первой финиширует – ты или Ксения!

– Что ты имеешь в виду? – Голос Натальи заметно сел – то ли от волнения, то ли от сырости.

– Иногда мне кажется, что сумасшедшая – ты и кончится тем, что тебя упекут в дурку!

– Бред! – Наталья окончательно протрезвела. Протянув руку, нащупала на стене выключатель, и под сводами веранды зажегся розовый фонарь, свисающий на длинной бронзовой цепи. – Иди к себе, не зли меня!

– А ты не приказывай! – резко ответила горничная. – Тебе, конечно, разрешено все, но ты здесь пока не хозяйка! Ты знаешь кто?

Наталья побагровела и сдавленно выговорила:

– Раньше думала, что знала! И кто же я?

– Шутиха, приживалка! Живая игрушка, вот кто! – Ольга повысила голос, бесстрашно встречая ее яростный взгляд. – И пьешь ты потому, что знаешь это! И хотя твердишь на всех углах, что любишь Ксению, сама ненавидишь ее!

– Врешь! – вскрикнула Наталья. Голос внезапно сорвался, и она хрипло закончила: – Ты завидуешь, и все!

– Чему? – с деланной жалостью ответила горничная. Ольга держалась спокойно, явно наслаждаясь бессильной злобой противницы. – Посмотри, что с тобой стало за пять лет! Я помню, какая ты пришла, а вот какой ты уйдешь, если вообще уйдешь? Ты же стала ее тенью! Ты без нее никто!

– Неправда! – прохрипела Наталья. – Уйду, когда захочу, хоть сейчас!

– И поедешь в свою однокомнатную квартиру в Королеве? И будешь проедать сбережения? То есть пропивать, – беспощадно уточнила Ольга. – Да ты там и дня не выдержишь, запросишься назад!

Повисла пауза, во время которой слышался только ровный шум дождя да тяжелое дыхание Натальи.

– Думай лучше о себе, – наконец посоветовала она. – Мы тут все в одной лодке.

– Не совсем! – не сдалась Ольга. – Я-то работаю, так же, как работала бы в другом месте. Мне все равно, за кем убирать – за банкиршей, за актрисой, за сумасшедшей... Грязь везде одна и та же. Я продаю тут свое время и свои руки, а ты?

– Да что на тебя нашло? Пять лет молчала и вдруг заговорила!

– Слишком долго молчала! Не знаю, как ты, а я точно уволюсь! Ненавижу этот дом! Мне все кажется, что кто-то бежит по темным комнатам и прячется, как только включишь свет... И знаю ведь, что это кошки, а мне все чудится, будто кто-то другой!

– Ну и кто из нас сходит с ума? – поинтересовалась Наталья. Она хотела прибавить что-то еще, но в этот миг обе женщины разом повернулись в сторону парка. Оттуда послышался шум приближающейся машины. В свете фонаря мелькнул небольшой автомобиль, показавшийся черным, и скрылся за углом дома. Шум мотора стих, громко хлопнула дверца, и женщины переглянулись.

– Генрих!

– Наконец-то! – Ольга набожно перекрестилась. – Беги к нему, скажи, чтоб сразу шел наверх!

– А куда он пошел, по-твоему? С бокового входа – прямо в мансарду. Наверное, Михаил Юрьевич его вызвонил.

Недавние враги, разом сплотившись, приняли заговорщицкий тон. Они перешли в гостиную, где Ольга сразу принялась разжигать камин. Наталья, устроившись в кресле и утопив ноги в медвежьей шкуре, позволила себе заметить, что она бы ни за какие деньги не стала изображать Золушку ради того, чтобы Генрих смог выкурить трубочку, сидя у огня. Ольга не обиделась.

– Мы все здесь кого-нибудь изображаем за деньги. Что – впервые об этом задумалась?

– Ты ведь пошутила, когда сказала, что уволишься? – Наталья встала и подошла к камину. Огонь уже разгорелся, и Ольга, сидя на корточках, осторожно шевелила дрова кочергой. – Ты ведь не уйдешь?

Ольга подтолкнула в глубь камина крупное полено, по коре которого уже начинали бегать искры. Покачала головой:

– Уйду. Я служила тут слишком долго, мне все опротивело. Могу сорваться, нахамить, тогда прощайте, рекомендации... Честно говоря, я уже устроилась на другое место. В другом конце области, далеко отсюда. Я и искала подальше! – горячо сказала она. – Страшно здесь!

– Боже мой! – Наталья уселась на шкуру, обхватила колени и уставилась в огонь. – Страшно, конечно, особенно по ночам... Теперь еще ты уедешь! Оля, что мне-то делать? Ты опытная горничная, везде устроишься, а кто я? Ты ведь права, я тут себя потеряла. Окончила факультет журналистики, а какой из меня журналист? Я и за дело взяться не смогу. Обленилась, разбаловалась... С какой радости, спрашивается?

– Чужие деньги, – кратко ответила та, ставя кочергу в кованный ящик и тоже присаживаясь к огню. – Хуже нет, когда начинает казаться, будто они твои.

– И что же мне теперь – состариться тут? – Наталья вздрогнула всем телом. – Уйти с тобой?

– Я думаю... – начала Ольга, но осеклась. Тишину дома прорезал женский крик. Обе вскочили и дикими глазами уставились друг на друга. Крик повторился – теперь он был похож скорее на призыв. Наталья схватила горничную за руку:

– Ты слышишь?! Это Ксения!

– У нее припадок? – побелевшими губами выговорила Ольга. – Что же это такое? Она никогда так не кричала!

– Бежим наверх!

– Ты же знаешь, Генрих не разрешает туда ходить, когда он у нее, – оробев, возразила горничная. – Один раз я сунулась, он на меня так цыкнул!

Наталья отчаянно махнула рукой и бросилась к винтовой лестнице. Ее шаги загрели по чугунным ступенькам, Ольга, поколебавшись, последовала за ней, тем более что сверху уже доносился мужской голос, зовущий «кого-нибудь».

Наверх они прибежали одновременно – горничная выглядывала из-за плеча компаньонки.

– Генрих Петрович, что случилось?!

Тот ответил не сразу, сделав жест, призывающий к молчанию. Женщины прислушались и вскоре различили громкие всхлипывания за одной из закрытых дверей.

– Я вас попрошу пока не ложиться. – Он сделал глубокую затяжку и, вынув трубку из рта, выпустил струю душистого дыма. – Оля, побудьте тут, рядом с ней. Я спущусь, позвоню Михаилу Юрьевичу. Наташа, идите со мной.

Никто не спорил – горничная, заметно изменившись в лице, осталась караулить в холле, а Наталья спустилась вслед за психиатром на второй этаж. Там он остановился и, резко развернувшись, посмотрел ей прямо в глаза. Наталья этого не выносила. Она описала Нике домашнего врача своей хозяйки как интересного, похожего на подтянутого англичанина мужчину, но ни слова не сказала про его глаза и про действие, которое они на нее производили. Это были совершенно индусские глаза – огромные, миндалевидные, черные с ярко-голубыми белками. Они казались эмалевыми, а не живыми и на удивление не подходили ко всему облику корректного психиатра. Они были красивы, но смотреть в них было тяжело – Наталья обычно отводила взгляд. Так она поступила и сейчас, но Генрих Петрович внезапно схватил ее за плечи и весьма чувствительно сжал их сильными твердыми пальцами:

– Слушайте, Наташа, ситуация у нас пиковая. Ее надо везти в больницу.

– Как? – ахнула Наталья и против воли заглянула ему в лицо. – В психиатрическую?!

– Именно. Сейчас я попробую договориться, чтобы ее приняли, а это не так просто. Пока оденьтесь и будьте готовы помочь ей. Не хочу везти ее на «скорой», вообще не хочу, чтобы она гадалась, куда мы едем. Вы – с нами.

– Боже мой! Это необходимо? – Наталья чувствовала, как пол уходит у нее из-под ног. Только что она говорила о том, чтобы бросить место, и вдруг место само бросало ее. – Так вдруг?

– Да не вдруг! – Она увидела, что психиатр сильно нервничает, и это ее окончательно подкосило. Только теперь она начинала верить, что прежней жизни пришел конец. – Смерть питона, видимо, послужила сильным толчком, начался мощный регресс состояния, припадок пошел за припадком, по вашим же словам... На дому я ее больше лечить не могу и не имею права.

– А что скажет Михаил Юрьевич?

Генрих Петрович сдержанно поджал губы:

– Он к этому готов. Я предупреждал.

– Значит, надежды нет? – Наталья побежала за ним – он шел в свой кабинет. – Может, подождем? Ведь ей и раньше бывало плохо, но мы выкарабкивались!

– Одевайтесь! – скомандовал психиатр, нажимая дверную ручку и оборачиваясь на пороге кабинета. – Или поедем без вас!

Наталья бросилась вверх и застала Ольгу в безмолвной панике. Та нервно топталась под дверью хозяйкиной комнаты, прислушиваясь и ломая пальцы. Увидев коллегу, она сделала страшные глаза и прошептала:

– Больше не плачет.

– Ходит по комнате? Бегает?

– Нет. Там тихо.

Наталья, остановившись под дверью, осторожно поскреблась и мягким, просительным тоном поинтересовалась, можно ли ей войти. Ответа не было – в комнате только что-то скрипнуло, будто кто-то резко встал со стула. Женщины переглянулись.

– Генрих знает, что делает? – еле слышно поинтересовалась Ольга, выразительно проводя ребром ладони по горлу. – Она ведь может...

– Заперто изнутри?

– Заперто.

– Ксения, – все также нежно, будто обращаясь к ребенку, позвала Наталья, –пусти меня на минуточку. Я хочу кое-что спросить.

– Иди к себе и одевайся! – внезапно раздался из-за двери резкий, гортанный окрик. Женщины с трудом узнали голос хозяйки. – Ты же знаешь, куда мы поедем!

– Мы едем в гости, кажется...

– В дурдом! – Послышался короткий, разделенный на слоги смех – как будто смеялся проржавевший механизм. – Он врёт, что в гости, я знаю, в какие гости! Одевайся и не мешай мне собирать вещи!

Наталья отошла от двери и спрятала в ладонях пылающее лицо. Когда она отняла их, пальцы были мокрыми. Женщина беззвучно плакала. Глядя на нее, закусила губу и горничная.

– Мне надо выпить, или Генриху придется заказывать две койки в дурдоме. – Наталья открыла дверь своей комнаты. – Идем, я и тебе налью. Не бойся, она не сбежит, оставь дверь открытой.

У себя в комнате она торопливо плеснула ликера в бокалы, мутные от выпитых прежде коктейлей. Ольга, обычно щепетильная в вопросах чистоты, не глядя, проглотила содержимое бокала и поморщилась:

– Лучше бы водки!

– Есть, ледяная, – Наталья открыла бар и, достав бутылку, налила водку в те же бокалы. – Давай.

Выпивая, обе косились на распахнутую дверь. Персиковый холл был пуст и залит светом ламп – их включили все до единой. Он напоминал сцену, на которую вот-вот должны выйти актеры, пока что разбежавшиеся по своим гримеркам. Внезапно горничная вздрогнула и едва не выронила бокал – ей почудилось какое-то движение в холле.

– Кошка! – Ольга с трудом перевела дух. – У меня нервы на взводе. Как ты думаешь, она не будет упираться?

– Я как раз стараюсь об этом не думать! – рассердилась вновь захмелевшая Наталья. – Ты-то останешься, а мне туда ехать! Погоди, ты слышала?

Она подняла палец, призывая к молчанию. Женщины замерли, вслушиваясь в ватную тишину мансарды. Наталья уже решила, что резкий стук ей почудился, когда он повторился. Сомнений не оставалось – звук шел из комнаты Ксении. Сам по себе он не казался зловещим, но в нем было что-то, одновременно перепугавшее обеих женщин. Что-то очень знакомое – как показалось Наталье, но что? Ольга издала панический писк и бросилась в холл, Наталья побежала за ней. Они по очереди нажимали ручку двери, наперебой звали Ксению, стучали – бесполезно. В минуты затишья был слышен тот же звук, он повторялся методически и упорно. Тук-тук. Пауза. Тук-тук.

– Она открыла окно! – первой догадалась Ольга, отпустив дверную ручку. На лбу у нее выступила испарина, она покраснела и дышала прерывисто, то и дело прикладывая руку к полной груди. – Это створка стучит на ветру. Слышишь, какой поднялся ветер?

– Ксения, открой! – Наталья еще раз ударила кулаком в дверь и бессильно к ней прислонилась. Ноги у нее подкашивались, все тело мелко и противно дрожало. – Она выбросилась в окно! Чувствуешь, сквозняк?! Она не отвечает!

– Что у вас тут? – раздался с лестницы голос Генриха Петровича. Через мгновения показался он сам – уже полностью одетый, в плаще, с зонтом на локте и папкой с документами подмышкой. – Что вы кричите?

– Она выбросилась в окно! – всхлипнула Наталья, стараясь не встречаться с ним взглядом. – О боже, она выбросилась... Она догадалась и не захотела ехать в дурдом...

– Вы пьяны! – Генрих Петрович брезгливо принюхался к ней и отодвинул в сторону. Повернулся к поникшей Ольге и укоризненно заметил: – Вы тоже! Могли бы подождать, когда мы уедем! Ксения Константиновна, вы меня слышите? – повысил он голос и отрывисто постучал в дверь. – Нам пора ехать, я вас жду. Вы готовы?

Ответом было молчание и мерный стук оконной створки. В дверную щель с тонким свистом прорывался ветер. Не в силах больше стоять у этой страшной двери Наталья ушла в свою комнату и ничком упала на разобранную постель. Она яростно вцепилась в подушку, не щадя

длинных накладных ногтей, стараясь зарыться в нее с головой и не слышать стука и криков. Беспокойство в голосе психиатра постепенно переходило в панику.

– Ксения Константиновна, мне надо вам кое-что сказать! На пару слов! Только приоткройте дверь, я даже не войду!

– Ее там нет, – робко заметила Ольга.

– Без вас знаю! – вдруг заорал на нее Генрих Петрович. Его крика никто в этом доме еще не слышал, и Наталья изумленно оторвала лицо от подушки. Голос вечно корректного, сдержанного психиатра теперь звучал совершенно по-бабьи – визгливо и истерично. – Звоните на вахту, пусть кто-нибудь придет и сломает дверь! Да не болтайте там лишнего! Просто скажите, чтобы пришел человек с инструментами – дверь заклинило! Быстро!

Внезапно Наталью потрясла одна мысль, настолько очевидная, что она поразилась, как не поняла этого сразу. Женщина села на постели, задумчиво поправляя спутавшиеся пряди волос. Многие из них были накладными и теперь, отшпилившись, сползли по настоящим прядям и придавали хозяйке вид сильно полинявшей собаки. В дверь ее комнаты заглянул психиатр – его лицо было искажено гневом:

– Вы что расселись?!

– А что мне делать? – довольно дерзко ответила она, успев собраться с духом. Наталье было ясно одно – как бы ни обернулись события, ей в этом доме остаться не придется. Она с вызовом встретила взгляд человека, которого давно считала своим врагом. – Выломать дверь плечом?

– Умойтесь хотя бы, приведите себя в порядок! – визгливо прокричал тот. – Противно смотреть! Как из дешевого борделя!

– Вам, видно, есть с чем сравнивать, – заметила Наталья, окончательно придя в себя. Она далеко отставила вперед руку и, растопырив пальцы, оценивала состояние маникюра. – Еще два ногтя полетели! Клянусь, я приклею их на лоб этой маникюрше!

– Вас волнуют ногти, когда ваша подруга, может, разбилась? – задохнулся Генрих Петрович.

Наталья взглянула на него с торжествующим спокойствием:

– Забудьте, она не прыгала с крыши. Вы, может, не знаете, но крыша под ее окном плоская. Мы там часто загорали в шезлонгах. И с этой крыши можно пройти во вторую мансарду, маленькую, где стоит телескоп. Из нее есть лестница прямо вниз, на веранду. Ксения просто сбежала! – И она расхохоталась, не выдержав напускного бесстрастного тона. – И уж не я буду ее ловить, чтобы сдать в сумасшедший дом!

– Очень интересно! Уж не вы ли ей посоветовали бежать? – Мужчина заметно изменился в лице. Он смерил собеседницу уничтожающим взглядом, но сила этих гипнотических глаз удивительным образом пропала, как только Наталья стала считать себя уволенной. Она только пожала плечами и повернулась к зеркалу:

– Если бы догадалась, посоветовала бы. Давно надо было вмешаться в вашу хваленую терапию и вызвать другого врача! Вы лечили Ксению пять лет, а где результаты? От хорошего врача человек в окно не удирает!

– Да что вы в этом... – начал было Генрих Петрович, но осекся – за его спиной в холле появился сонный и злой Ринат с чемоданчиком для инструментов. За ним спешила запыхавшаяся, насквозь промокшая Ольга. На вахту ей пришлось бежать под проливным дождем – телефон был занят охранником, и дозвониться туда не удалось. Достав отвертку и долото, шофер, он же по совместительству слесарь, за несколько минут открыл дверь, почти не повредив ее. Психиатр ворвался в комнату первым, за ним поспешили женщины. Ринат, которому никто ничего толком не объяснил, изумленно заглядывал поверх их голов.

Наталья оказалась права – в комнате никого не было, если не считать двух кошек, встревоженно поднявших головы при виде стольких гостей. Одна из них, серая, любимица Ксе-

нии, вопросительно мяукнула, будто требовала объяснить столь бесцеремонное вторжение на ее территорию. Но на кошку никто не смотрел – все взгляды были прикованы к одному из окон. Оно было раскрыто настежь, и створка резко билась об угол старинного бюро розового дерева. Ольга подошла к окну, поймала летавшие в воздухе белые занавески, выглянула наружу и закрыла его.

– Слава богу! – перекрестилась она. – Я боялась увидеть ее тут... С петлей на шее. Или там, внизу...

– Она ушла по крыше и спустилась на веранду через вторую мансарду, – поделилась своей догадкой Наталья. – Представляешь, я ведь догадалась прежде, чем сломали дверь!

Ольга посмотрела на нее с уважением, зато Ринат, внимательно слушавший подруг, неожиданно спросил:

– Так это хозяйка уехала на «Фольксвагене»?

Все разом повернулись к нему – даже психиатр, лихорадочно обыскивавший в этот момент ящики письменного стола.

– Что-о? – недоверчиво протянул он, делая шаг к шоферу. Тот развел руками:

– На вашей машине. Мы думали, это вы снова уезжаете в Москву, и открыли ворота.

– Кто-то выехал на моей машине? – Генрих Петрович охрип от бешенства. – Кто сидел за рулем?

– Мы даже не смотрели, – признался Ринат. – Увидели, что вы опять едете, и открыли ворота. Еле успели – вы даже не притормозили.

– Когда это было? – прорычал тот.

– Несколько минут назад! Мы выпустили машину, и тут же прибежала Оля.

– Черт... – Психиатр присел на аккуратную заправленную постель своей пациентки и, достав из кармана трубку, уставился на нее с таким безнадежным видом, будто видел этот предмет впервые и не понимал, что с ним делать. – Она сбежала!

– Наконец-то до вас дошло! – издевательски поздравила его окончательно осмелевшая Наталья. – Что-то вы теперь скажете Михаилу Юрьевичу?

Он не ответил, продолжая рассматривать трубку. Прислуга покинула комнату и, прикрыв за собой дверь, устроила в холле небольшой обмен мнениями. Ринат сказал, что понятия не имел даже, водит хозяйка машину или нет. Тот, кто был за рулем, гнал лихо! Ольга от души пожалела бедную женщину, которая пыталась спастись от больницы таким отчаянным образом...

– И ведь напрасно, все равно ее поймают и отправят, куда захотят! Хорошо хоть с крыши не сорвалась, черепица-то мокрая!

Наталья промолчала. Ее боевое оживание прошло, алкоголь, которым она себя подхлестывала весь вечер, постепенно выветривался. Она мрачно оценивала свои перспективы на будущее и не находила их приятными. Всего час назад она обсуждала с горничной свое положение в этом доме и всерьез думала о том, что его надо изменить. Сейчас, когда оно изменилось само собой, ей было попросту страшно, хотя перспектива оказаться без хлеба и крыши над головой ей не грозила. Ольга заметила ее состояние и дружески положила руку ей на плечо:

– Не расстраивайся, найдешь другое место. Ты впервые меняешь, а я-то! С двадцати лет в прислугах, можно сказать, пионерка в этой области... Всего навидалась, с такими товарищами жила... Особенно в первые годы, в начале девяностых. Нет, тут можно было работать! Мне просто надоело, тут самой легко рехнуться...

Ринат, тоже задумавшийся о завтрашнем дне, слегка утратил присущее ему от природы самообладание.

– Нас всех уволят, что ли? Хозяину шофер не нужен, ты уйдешь, Наташка... Кого я сюда возить буду? К нему никогда гости не ездят.

– А если б ездили, то на своих колесах, – кивнула Ольга. – Похоже, что и с тобой попрощаются.

– А лихо она гнала! – вновь вспомнил Ринат и невольно заулыбался. Улыбка удивительно не шла к его серому морщинистому лицу и казалась еще одной глубокой морщиной. – Чуть ворота не высадила! Небось уже к Москве подлетает!

– Господи, к кому же она едет?!

В это время на пороге комнаты появился Генрих Петрович. Было ясно, что он наконец вспомнил, для чего предназначена трубка. Вынув ее изо рта и выпустив клуб дыма, он велел Ринату немедленно возвращаться на вахту, а женщин попросил помочь с осмотром вещей пропавшей хозяйки. После секундной заминки его послушались, хотя все трое уже считали себя уволенными.

– В чем она уехала, можете определить? – Генрих Петрович указал на раздвинутые зеркальные дверцы гардеробной комнатки. – Мне надо дать ориентировку милиции.

– Но это вы видели ее последним, – осторожно напомнила Ольга.

– Ну и что? Не могла же она сбегать в майке и шортах в такую собачью погоду! Вы убирали ее вещи, следили за ними, должны понять, что она надела.

Поручив Ольге гардероб, он повернулся к бывшей компаньонке. Та ждала указаний с ледяным видом, поигрывая зажатой между пальцев сигаретой. Генрих Петрович тоже принял сугубо официальный тон:

– Вы тесно с ней общались, были в курсе ее дел. Сколько денег она могла взять с собой?

– Понятия не имею! – Наталья пустила дым ему в лицо. – Я у нее не видела наличных денег. Да и зачем они ей?

– Верно, у нее не должно было быть ни наличных, ни кредитных карточек, – подтвердил Генрих Петрович. – Я сам просил об этом Михаила Юрьевича. Но она могла где-то достать денег тайком и спрятать про запас. У мужа в кабинете, у Ольги, у вас, наконец... У вас не пропадали деньги?

Обе женщины дружно заявили, что ничего подобного не замечали и что Ксения Константиновна никаких тайников не имела.

– Я бы давно нашла их при уборке, – заверила Ольга. – Я этот дом могу убрать с завязанными глазами.

– Вы понимаете, как важно это выяснить? – Генрих Петрович взглянул на часы. – Если у нее нет ни копейки, далеко не уедет – у меня в машине бак почти пустой. Заправиться не сможет, где-нибудь застрянет... Но если у нее есть деньги, она может убежать куда угодно!

Ответом ему было молчание обеих женщин. Он беспомощно покачал головой:

– Простите, вы вообще понимаете, что случилось? Выдумаете, я хочу ее поймать ради каких-то своих целей? Я же за нее боюсь!

– Мы понимаем, – тихо ответила Ольга. – По-моему, она надела старые белые брюки, широкие, льняные, с карманами на бедрах... Ксения Константиновна часто носила их дома, любила... Я вчера их принесла из стирки, положила вот сюда... Нету. И, кажется, она взяла теплую длинную кофту, с поясом и цигейковым воротником. Коричневая кофта, с желтыми костяными пуговицами. Я ее не вижу, а висела вот тут.

– Денег у нее не было, а драгоценностей – полно! – Наталья подошла к туалетному столику, выдвинула верхний ящичек. – Посмотрим... Жемчужное кольцо обычно на ней, тут его и нет... Ксения в нем даже спала. Еще у нее были часы, очень дорогие. Она их снимала только на ночь и в ванной, хотя я всегда себя спрашивала – зачем ей знать точное время?

Наталья перевернула вынутый ящик на столешницу и разобрала драгоценности. Она знала их не хуже собственных побрякушек, конечно, куда более броских и менее дорогих. Несколько пар серег – с бриллиантами, сапфирами – под цвет глаз, большие платиновые кольца, украшенные эмалью... Ксения редко носила серьги и с улыбкой смотрела на то, как их

примеряет компаньонка. «Я не покупала серьги сама, это все подарки, – заметила она как-то. – Не люблю серьги вообще. Знаешь, в древнем мире это было символом рабства». Она разложила на столе многочисленные браслеты, среди которых был большой изумрудный, стоивший целое состояние, десятка полтора колец, кулоны и цепочки...

– Все на месте, – растерянно сказала Наталья, сделав полную ревизию. – Не понимаю. Она не взяла ничего!

– Ну да, она же не планировала побег, это случилось спонтанно. – Генрих Петрович со свистом всосал воздух через погасшую трубку и, ворча, полез за спичками. – Боюсь, что на автозаправке она попытается расплатиться часами или своим жемчугом... Господи, в час ночи, одна, в остром состоянии... Гонит по мокрой трассе...

– Так звоните скорее! – Наталья взглянула на часы. – Она уже минут сорок на свободе! Надо немедленно сообщить Михаилу Юрьевичу!

– Да, да, – удрученно согласился тот. – И как она догадалась, что я хочу отвезти ее в больницу?

Через полчаса переполошенный было дом снова погрузился в темноту и тишину. Ожидали приезда хозяина. Генрих Петрович остался ночевать – заплаканная Ольга постелила ему в комнате для гостей. Из комнаты Ксении выгнали кошек, саму комнату заперли – психиатр считал, что ее должна осмотреть милиция. Теперь ее единственными обитателями остались яркие тропические рыбы, равнодушно курсирующие в своем огромном, таинственно подсвеченном аквариуме. На лужайке перед домом снова горел один фонарь, остальные, включенные было по тревоге, уже погасли. Дождь закончился, но холодный ветер не унимался и яростно морщил лужи на мощеных дорожках парка.

...Наталья отошла от окна, задернула штору и присела на постель. Она страшно вымоталась за этот вечер, и ее не покидало чувство, будто она что-то потеряла. Место? Да, конечно. Стабильный доход, позволявший не отказывать себе почти ни в чем? Да, второй раз ей вряд ли так повезет... Она пыталась думать об этих простых вещах, но ее мысли все время возвращались к синеглазой светловолосой женщине, которую она привыкла ощущать рядом, за стеной, чье присутствие стало для нее таким же необходимым, как было бы присутствие сестры-близнеца. Комната Ксении опустела, и Наталья чувствовала – навсегда. Что бы ни случилось, она туда не вернется, эти стены больше не услышат ее спокойного, музыкального голоса, который искажался только в минуты припадков... Женщина растерла ладонями виски и, закрыв глаза, повалилась на подушку. Странно, но теперь она никак не могла соотнести воспоминание о Ксении с этими припадками, так портившими всем жизнь. Они удивительным образом разделились в ее сознании, как будто не имели друг с другом ничего общего, и Ксения вспоминалась, как что-то спокойное, светлое, на удивление безмятежное. Она вспомнила слова Ники: «Нормальнейшая с виду женщина!»

«Неужели мы никогда больше не увидимся? – подумала она, переставая ощущать границы собственного усталого тела. Оно как будто растворялось в темном сладком сиропе. – Не может быть, не верю...» Потом Наталья вдруг увидела Михаила Юрьевича. Стоя у постели и гневно жестикулируя, тот чего-то от нее добивался, и она уснула, едва успев понять, что уже видит сон.

Глава 4

Лучи солнца медленно подкрадывались к постели, на которой разметалась уснувшая одетой женщина. Они соскользнули по стене, проползли по сверкающему ламинату, запнулись о сброшенную на пол подушку и наконец вскарабкались по свисающему краю простыни и легли на лицо спящей. Та недовольно оттопырила губы и слабо застонала, пытаясь поднять отяжелевшие от сна веки. Наконец ей удалось открыть глаза. Наталья с минуту смотрела в потолок, потом приподнялась на локте и обнаружила, что спала в одежде.

– Этого не хватало, – проворчала она, спуская ноги на пол. – А голова, голова как болит...

Раздеваясь на ходу и бросая одежду на пол, она прошла в ванную комнату, стиснув зубы, встала под прохладный душ и стояла в кабинке, подставив лицо под сильные струи воды и гортанно покрикивая, до тех пор пока не ощутила себя полностью обновленной. Высушив и с трудом расчесав спутанные волосы, она уложила их просто в хвост, отказавшись на этот раз от накладных прядей. В это утро Наталья обошлась почти без макияжа, зато без утреннего коктейля обойтись не смогла. Мешая апельсиновый сок с водкой, бросая в бокал кубики льда, она все время прислушивалась – не раздастся ли какой-нибудь звук за стеной? Там стояла мертвая тишина, из чего женщина сделала заключение – беглую хозяйку еще не поймали. Она взглянула на часы – обе стрелки приближались к двенадцати. «А если ее перехватили на дороге и увезли прямо в больницу?»

Наталья торопливо допила коктейль, натянула джинсы и легкий свитер и спустилась на первый этаж. Заглянула в столовую, отметила непривычный беспорядок на столе – грязные кофейные чашки, пепельницы с окурками, криво свисающие края скатерти... В прежние времена педантичная Ольга сгорела бы от стыда при виде такого натюрморта, но в это утро ей, как видно, было все равно. В охотничьей гостиной в камине дотлеvalo последнее громадное полено – его явно положили не так давно, на рассвете. Из этого Наталья заключила, что кто-то здесь бодрствовал всю ночь. Генрих Петрович? Или вернулся муж хозяйки? Ей становилось не по себе в этом пустом доме, откуда все словно сбежали, бросив ее одну на произвол судьбы.

Женщина вышла на веранду и, достав сигарету, оглядела парк. На лужайке перед домом по-прежнему горел фонарь – его забыли выключить утром. Освещенный желтый шар на фоне ясного неба усиливал ощущение заброшенности и беспорядка. Наталья поежилась, чиркнула зажигалкой и в тот же миг услышала за спиной спокойный мужской голос:

– После завтрака зайдите ко мне в кабинет, Наташа.

Она испуганно обернулась и увидела в дверном проеме хозяина. Приложила руку к груди:

– Я не слышала шагов! Вы ночью приехали?

– Час назад. – Он подошел к перилам, взглянул на парк, заметил горевший фонарь. – Позвоните, чтобы потушили. Не люблю, когда свет горит днем.

– Конечно, – заторопилась она, радуясь поводу уйти. – Я сбегаю на вахту, сейчас же!

Наталья отчего-то робела перед Михаилом Юрьевичем, хотя этот равнодушный ко всему, меланхолический с виду человек ни разу не повысил на нее голоса, ни за что не отчитал. Она сама не знала, откуда у нее бралось это чувство неловкости и даже вины передним. Оно появилось при первой же встрече, пять лет назад, когда Наталью представили художавому, какому-то узкому, рано поседевшему мужчине с большими серыми глазами, выражавшими усталую печаль. У него был вид книжного червя, не имеющего понятия не то что о курсе доллара, но даже о текущей дате... И тем не менее Михаил Юрьевич Банницкий был одним из директоров крупного московского банка.

– Постойте, – вдруг сказал он, когда женщина уже спустилась по ступеням. – Не надо. Пусть горит.

Наталья удивленно подняла глаза. Михаил Юрьевич на ее памяти никогда не отменял отданных приказов... Но сегодня, когда все шло шиворот-навыворот, изменился даже он, казавшийся оплотом порядка и рациональности.

– Вы ведь еще не завтракали?

– Нет. – Теперь она окончательно убедилась, что с хозяином происходит что-то неладное. Во-первых, он никогда не интересовался тем, кто и что ел и ел ли вообще. Сам Михаил Юрьевич питался как-то странно, от случая к случаю, причем еда, даже самая вкусная, явно не доставляла ему удовольствия. Он ел, чтобы жить, – и все. Во-вторых... «Как он странно говорит сегодня! – заметила женщина. – Будто во сне. У него вообще вид лунатика! Говорит вроде с тобой, а смотрит непонятно куда!»

– Ольга плачет на кухне, от нее никакого толку, а повариха даже не приехала сегодня, – так же размеренно, глядя в пустоту, продолжал он. – Так что завтрака, думаю, вообще не будет.

– Оля плачет? – растерянно повторила женщина. – Почему?

– Да вы же еще не знаете. – Он впервые за все время разговора взглянул прямо на нее. Его большие серые глаза всегда казались печальными, хотя Наталья по опыту знала, что к действительным чувствам Михаила Юрьевича это не имело никакого отношения. – Ксении больше нет.

Она услышала какой-то странный звук – не то хрип, не то рык, и в это мгновение не поняла, что издала его сама. Отступила на шаг, едва не поскользнувшись на мокрых плитках дорожки, не сводя глаз с хозяина. Тот внезапно закрыл лицо руками, отвернулся и быстро ушел в гостиную. У женщины закружилась голова, и, пошатнувшись, она судорожно вцепилась в перила веранды. Что бы ни было причиной дурноты – волнение или вчерашние коктейли, сейчас Наталья оказалась близка к тому, чтобы потерять сознание – впервые в жизни. Она с трудом сползла по ступеням, пересекла бесконечную охотничью гостиную и упала в кресло, желая только одного – чтобы мир перестал так отвратительно вращаться и раскачиваться. В камине выстрелило полено, женщина резко вздрогнула и вдруг расплакалась – то ли от страха, то ли от бессилия, то ли от жалости к себе. Никогда еще Наталья не чувствовала себя такой слабой, больной и никому не нужной. Хуже всего было то, что она впервые ощутила, насколько одинока в этом доме, среди этих людей и как иллюзорно было ощущение стабильности и покоя, к которому она привыкла за пять лет.

– Ты уже знаешь? – раздался у нее за спиной сиплый голос Ольги. Та вошла в гостиную, остановилась посреди комнаты и оглядела стены с таким затравленным видом, будто они могли внезапно сдвинуться и раздавить ее, как орех в тисках. В руках она держала мокрое махровое полотенце и пустой стеклянный кофейник, и было заметно, что она носит их с собой машинально, а не по необходимости. – Я сегодня же уезжаю. Не могу я тут оставаться, конечно, не могу! Знаю, что это свинство – бросить его сейчас без прислуги, но не могу, ни за какие деньги!

– Что с ней случилось? – Наталья вытерла слезы. Комната наконец переставала кружиться. – Михаил Юрьевич сказал, что ее больше нет. Она... Нет, не говори!

Она протянула руку, видя, что Ольга собирается ответить. Встала, на всякий случай придерживаясь за спинку кресла.

– Сама скажу. Она разбилась, да?

Горничная молча наклонила голову. Наталья с трудом перевела дыхание. Как ни странно, ей стало легче – главное было сказано. Мир вокруг уже не был ни надежным, ни уютным, но все же он не казался призрачным и не вращался, будто пьяная карусель. Все встало на места, и она снова была взрослой женщиной, а не маленькой испуганной девочкой, у которой из средств самообороны есть только слезы.

– А ведь я еще вчера об этом подумала, – призналась Наталья. – Я была почти уверена, что никуда она не доедет.

Ольга издала то ли вздох, то ли всхлип и прижала к опухшему лицу мокрое полотенце. Отыняв его, она обнаружила в другой руке кофейник и с удивленной гримасой поставила его на каминную полку.

– Я совсем не в себе, – пробормотала она. – Стала вещи собирать, а что беру, куда кладу – не понимаю. Зачем-то полезла картину со стены снимать, хотя она не моя... Потом гляжу – стою почему-то в мансарде, перед ее запертой комнатой, будто жду чего-то... Прямо нашла себя там, а как туда попала – не помню. Так ведь можно с ума сойти!

– Можно, – согласилась Наталья. – Тебе в самом деле нужно поскорее уехать. Помочь собраться?

– Давай, – Ольга испытующе взглянула на нее. – А вот ты, я смотрю, держишь себя в руках. Вы же с ней дружили!

– Давай оставим эту тему, – предложила Наталья тоном, не обещавшим сердечных излишаний. Женщины перешли в боковое крыло, где располагались комнаты прислуги, и занялись сбором сумок. За семь лет службы в доме у Ольги накопилось внушительное приданое, но она и слышать не хотела о том, чтобы забрать его частями.

– Нет никакой охоты сюда возвращаться! – Женщина торопливо выхватывала вещи из шкафа и рассовывала их по сумкам. – Этот дом всегда был мертвым, с самого начала! Мы тут жили, как привидения, ни гостей, ни детей, ни праздников! Только эти кошки, да змеи, да рыбы, твои коктейли, ее припадки, эти дурацкие чучела, эта тишина...

– Как это произошло, ты не знаешь? – Наталья, не поднимая головы, укладывала в сумку коробки с обувью. Свои вещи, как и вещи хозяев, Ольга содержала в идеальном порядке, так что паковать их не приходилось, и комната пустела на глазах.

– Михаил Юрьевич сказал только, что это было ночью, и она, вероятно, уснула за рулем.

– Уснула?! – Наталья остановилась, прижав к груди коробку с кроссовками. – Как она могла уснуть?!

– Он сказал, вскрытие покажет. – У Ольги снова задрожали губы. – Он сам-то ничего не знает. Генрих туда поехал один, его с собой не взял. Михаил Юрьевич стал такой покорный, прямо как ребенок! Куда посадишь, там сидит... Господи, а дети-то! – воскликнула она, и женщины обменялись тяжелыми вздохами. – Девчонкам всего по десять лет! Вот уже и сироты...

– Ну матери-то они уже пять лет не видели, – напомнила ей Наталья. – Получается, что к лучшему. На первое время можно будет и скрыть от них. А там... У детей все быстрее заживает.

– Скажи еще, как на собаках! – возмутилась горничная. – Неужели их даже на похороны не привезут? Это уж, я не знаю, как будет выглядеть! Какая бы она ни была, а все-таки мать...

Она хотела прибавить что-то еще, но вдруг осеклась, уставившись на приоткрытую дверь. На пороге стоял Михаил Юрьевич, и последние фразы, которыми обменялись женщины, явно достигли его ушей. Однако он ничем этого не выказал. Извинившись, сделал знак Наталье, и та смущенно поспешила выйти.

– Закройте дверь, – попросил Михаил Юрьевич, и она торопливо выполнила его указание. При нем Наталья всегда начинала бесцельно суетиться и, хотя злилась на себя за это, удержаться не могла. – Ольга уедет сегодня. А что решили вы?

– Я? – Она нервно сглотнула слюну и заложила руки за спину, чувствуя себя школьницей, не выучившей урока. – Не знаю. Я не думала... Наверное, теперь мне нужно уехать... Зачем я вам?

– И даже не останетесь на похороны?

Ей показалось, что в этом грустном, всегда как будто замороженном лице что-то дрогнуло, и она поспешила с ответом:

– Я бы осталась, конечно, осталась! Если можно!

– Останьтесь! – Он, как всегда, не то просил, не то приказывал – Наталья так и не научилась понимать эту интонацию. – Мне нужно, чтобы кто-нибудь из вас остался!

И, встретив ее ошеломленный взгляд, добавил:

– Конечно, если рассудить, мне одному никто не нужен, все могут уехать... Вы тут все жили только ради нее. Но только это будет странно выглядеть. Разве я – прокаженный? В конце концов, это я вам платил, а теперь вы все разбегаетесь! Неужели со мной страшно?

Она нашла в себе силы мотнуть головой:

– Что вы, Михаил Юрьевич, никто и не разбегается, просто у Ольги еще вчера сдали нервы! А я останусь, останусь, пока нужна! Мне идти-то, честно говоря, некуда.

Ей показалось, что он слегка улыбнулся, но она тут же отмела эту мысль, как невероятную. У нее на языке вертелся вопрос, который мучил ее и который не следовало бы задавать... Но она решилась.

– Скажите, Ксения Константиновна... Это произошло сразу?

– Это произошло во сне, – спокойно ответил он. – Так мне сказали по телефону. Она уснула за рулем и потеряла управление. Генрих говорит, что перед тем, как везти ее в клинику, напичкал ее успокоительными таблетками, вот они и подействовали где-то через час... Сразу. Возбуждение резко сменилось глубоким сном – так он говорит.

– Господи, – прошептала Наталья.

– Она ничего не почувствовала, – убежденно добавил Михаил Юрьевич. – Машина свернула с дороги, свалилась в старый глиняный карьер, по самую крышу ушла в воду, а она спала.

– Ксения... Утонула? – Женщина с трудом отогнала снова подступившую дурноту.

– Можно сказать и так. Генрих обещал узнать точно. Наверное, скоро приедет, – он взглянул на часы. – Наташа, мне неудобно просить об этом вас, но, кажется, Ольга уже считает себя уволенной. Сварите мне кофе, и покрепче – я эту ночь не спал. Принесите в кабинет.

Наталья отправилась на кухню, обуреваемая самыми противоречивыми чувствами. В ней боролись жалость к нелепо погибшей хозяйке и горькое осознание, что той в любом случае не была суждена счастливая жизнь. Она искренне сочувствовала вдовцу, уважала его за умение держать себя в руках, не насилуя своим горем посторонних... И одновременно задавала себе вопрос – а не испытывает ли он втайне некоего облегчения, избавившись от психически больной жены? С трудом сориентировавшись в кухонных шкафах – Наталья была здесь редкой гостьей, – она кое-как сварила кофе и даже отыскала какое-то печенье. Однако, поднявшись с подносом в кабинет Михаила Юрьевича, она убедилась, что с кофе опоздала. Хозяин крепко спал на диване, сиротливо свернувшись комком и подложив под голову кулак вместо подушки. Во сне у него было детское, обиженное лицо, и он никак не походил на директора крупного банка. Женщина с минуту смотрела на него, затем осторожно поставила поднос на письменный стол и, отыскав в соседней комнате, служившей хозяину спальней, плед, заботливо укрыла его. Спустившись к Ольге, она видела, что та почти закончила укладку вещей.

– Михаил Юрьевич такой любезный, а я такая свинья, – вздохнула горничная, присаживаясь на постель. – Предложил оставить все сумки здесь, мне сегодня к вечеру их доставят по адресу. Я согласилась, я ведь не скрываю, к кому поступила. И рекомендацию он мне обещал написать, хотя я не просила. Подумай сама – до рекомендации ему сейчас?! Нет, на такого хозяина молиться надо... А я все-таки тут не могу. Это сильнее меня, режьте на куски – не останусь! Мне этот дом сниться будет...

– Наверное, мне тоже. – Наталья подошла к окну, выглянула, отметила, что фонарь на лужайке наконец погасили. – И дом, и хозяева... Пять лет прошли как во сне, и вот я проснулась, и надо жить одной, а мне страшно... Отвыкла. Послушай, я останусь здесь до похорон, как он просил, а потом перееду к себе в Королев. Заглянешь как-нибудь на новоселье? Я ведь там еще не жила... Смутно даже помню, где этот дом.

Ольга пообещала приехать, и у женщины немного отлегло от сердца. Ее туманное будущее понемногу обретало четкие очертания, в нем появлялось что-то похожее на порядок. И она довольно спокойно рассталась с Ольгой, проводив ее до ворот, где уже ждал в машине Ринат. Помахала вслед удалявшемуся черному «Ниссану», постояла с сигаретой, глядя на опустевшую дорогу, перебросилась парой нелюбезных слов с охранником – с сегодняшним она всегда ссорилась, зато с его сменщиком слегка флиртвала. Медленно пошла к дому, глубоко вдыхая прохладный сосновый воздух, ловя себя на мысли, что толком не знает, о чем больше сожалеет – о нелепой гибели хозяйки или о конце своей легкой и беззаботной жизни. Наталья поднялась в мансарду, с грустью прошла по своей комнате, пытаясь представить себе, как устроится на новом месте... Взяла с туалетного столика мобильный телефон, обнаружила два неотвеченных вызова от Ники и обрадовалась. Наталья не умела жить без привязанностей, без друзей, которым можно излить душу, без исповедей – с глазу на глаз и по телефону. Старая, вновь обретенная подруга отлично для этого годилась.

– Привет, – воскликнула она, набрав номер. – Если бы ты знала, как мне тебя здесь не хватает!

– Правда? – воодушевилась ее пылкой реакцией Ника. – А я сомневалась, надо тебя дергать или нет. Как вчера, все обошлось?

– Ничего не обошлось, – зловеще ответила Наталья. – Начиная с этого утра я – безработная. У вас в журнале нет свободной штатной вакансии?

В трубке послышался удивленный возглас, а когда Наталья все объяснила, повисло молчание. Та забеспокоилась:

– Ты слышишь меня? Ты поняла, что случилось?

– Поверить не могу, – заторможенно произнесла ее собеседница.

– То же самое и я твержу себе все время! Мы все как во сне, ведь еще вчера все шло, как обычно! Я остаюсь здесь до похорон, по просьбе хозяина, а что дальше... Знаешь, я за эти пять лет совершенно разучилась жить одна! У меня голова кругом идет... Раньше у меня не было ни квартиры, ни машины, ни сбережений, и я ничего не боялась, сейчас все есть, а я как в лесу... Ты ведь не бросишь меня?

– Что ты, – откликнулась Ника. – Да я бы и сейчас к тебе приехала, но боюсь, с работы не уйти... Какая жалость, и так неожиданно... А я даже не сфотографировала Ксению.

– Зачем? – удивилась Наталья. – Ты что – собиралась брать у нее интервью? Плохая идея, она была не очень-то откровенна. Да и о чем ее было спрашивать? Она бы даже купить самостоятельно ничего не смогла – пять лет денег в руках не держала, отвыкла.

– А как реагирует ее муж?

– Держится, – вздохнула женщина. – Он вообще человек замкнутый, не любит выставлять чувства напоказ. А перенес за последние годы многое... Но все равно видно, что ему плохо, иначе зачем бы он попросил меня остаться? Мне его страшно жаль. А как подумаю о детях...

– А этот психотерапевт, он где? – продолжала расспрашивать Ника.

– Где-то в милиции или в морге, не знаю! – Ее вопросы все больше удивляли подругу. – Зачем тебе Генрих? Хочешь познакомиться – приезжай с ночевкой, тут полный бардак, никто возражать не будет.

Однако Ника отказалась от ее приглашения. Голос у нее был унылый, тон подавленный, и было ясно, что известие о смерти Ксении глубоко ее потрясло. Она скомканно попрощалась, обещала звонить и первая прервала разговор.

– Кто бы мог подумать, что это ее так заденет! – сообщила Наталья вошедшей в комнату серой кошке. – Она и видела-то Ксюшу полчас!

В ответ кошка вопросительно мяукнула и, минутку потоптавшись, вспрыгнула женщине на колени. Та вздохнула и прижала ее к груди, чувствуя облегчение уже оттого, что рядом есть кто-то живой и теплый.

...Последующие три дня показались Наталье самыми напряженными в ее жизни, и к моменту похорон она окончательно выбилась из сил и была близка к нервному срыву. Михаил Юрьевич попросил ее остаться вовсе не из боязни одиночества – она поняла это, когда он возложил на ее плечи обязанность отвечать на телефонные звонки, самой обзванивать друзей семьи и распоряжаться целым штатом персонала, присланного для поминок. Звонки много сил не отнимали – она умудрялась сообщать о смерти своей бывшей хозяйки лаконично, давая минимум информации, – так просил Михаил Юрьевич. Наталья делилась печальной новостью, уточняла место и время похорон, спрашивала, не надо ли прислать машину, и на том все кончалось. Ни единой истерики в ответ на трагическое известие она не услышала. Люди реагировали по-разному, были даже такие, что с трудом припоминали, о ком идет речь, но в целом у нее создалось впечатление, что на похоронах рыданий и обмороков не будет.

– А чему удивляться, она пять лет ни с кем не виделась! – говорила она по вечерам Нике, когда звонила ей перед сном. Эти звонки стали для нее ритуалом, без них, как без крепкого коктейля, Наталья уснуть не могла. Днем она не позволяла себе ни капли спиртного, отлично понимая, какая ответственность на нее возложена. – Она для всех давно все равно что умерла!

– Будет много народу? – интересовалась Ника.

– Около сотни человек, может и больше, – неуверенно говорила Наталья. – Вообще, всем, что касается кладбища и ритуала, занимается Генрих, а на мне поминки. Я сама даже на кладбище не поеду, не выйдет. Заказала ей венок, с лентой, от меня. Дети прилетят из Англии уже после похорон, я сперва возмутилась, что они не простятся с матерью, а теперь думаю, зачем им это зрелище? Я сама покойников боюсь ужасно, хорошо, что останусь дома... Бедная Ксюша!

Она принимала утешения подруги, охотно позволяла успокаивать себя и даже капризничала, когда Ника закругляла разговор, ссылаясь на домашние дела.

– Я проклинаяю тот день, когда мы встретили ее на «Птичке»! – рычал Олег, заставая жену на кухне с телефонной трубкой. – Она, часом, не к нам собирается переехать после похорон? Нет? А то вышло бы расчудесно, и на звонки тратить не надо – ты под боком! Мы с Алешкой могли бы жить на коврике в прихожей!

Ника умоляюще поднимала брови и делала мужу знак не сердиться. Они помирились уже на другой день после своей первой серьезной размолвки, тем более что причина, вызвавшая ссору, исчезла. Ника вовремя приходила с работы, не заговаривала больше ни о каких собственных планах, и единственным, что от них осталось, был цифровой фотоаппарат – она так и не вернула его Ярославу – тот уехал в командировку. О случившемся он узнал, позвонив Нике, и прокомментировал ситуацию резко:

– В этом несчастном случае виноваты не только таблетки, от которых уснула за рулем бедная банкирша! Я еще доберусь до этого Генриха Петровича!

* * *

– ... И в результате человек десять остались ночевать, а я бегала, размещала их по комнатам, стелила постели, Михаил Юрьевич заперся в кабинете, и я каждую минуту думала, не сделал ли он чего с собой! Ужас, мне казалось, вчерашний день никогда не кончится! – громко рассказывала Наталья, появляясь из кухни с подносом, на котором стояли запотевшие бокалы, украшенные дольками фруктов и бумажными зонтиками. – Вот, пробуйте, все коктейли разные, я решила не делать одинаковых, хочу блеснуть. Спорим, за весь вечер ни разу не повторюсь!

Спорить с хозяйкой никто не стал. Ника с Ольгой взяли по бокалу и устроились на новеньком, еще обтянутом пленкой диване, а единственный гость мужского пола – Ярослав – галантно помог установить поднос на крошечном телефонном столике. Других столов в квартире Натальи попросту не было, коктейли она готовила на подоконнике, а принесенные гостями

подарки – чайный сервиз и соковыжималку – красиво разместила в кухне прямо на полу, так как из мебели там имелись только холодильник и плита.

– Когда мне отдали ключи от квартиры, я совсем ошалела от радости, побежала в ближайший мебельный магазин и купила все, на что хватило денег, – рассказывала Наталья, расхаживая по просторной пустой комнате и гулко стуча по паркету высокими каблуками. – Диван-кровать, комод, зеркало и вот этот дурацкий столик, хотя его я совершенно не помню! Не иначе, как у меня в голове помутилось, иначе бы я купила простой стул. Он был бы куда более кстати!

– Купишь и стул, не уйдет он от тебя. – Ольга потягивала коктейль, оглядывая стены профессионально-придирчивым взглядом. – А может, ты в ближайшие дни снова переедешь к кому-нибудь в дом, и мебель вообще не понадобится. У нас с тобой профзаболевание – бездомность... Видела бы ты мою комнату в коммуналке! Я ее не прибирала лет пятнадцать, а обстановка там – закачаешься! Сплошь все молюю побито и жучком изъедено. Пока я чужую мебель от пыли протирала, моя собственная пропала... Прямо замок Спящей Красавицы – только тронь – все рассыплется.

Она сделала большой глоток и философски закончила:

– А мне все равно. Я, наверное, уже никогда не захочу что-то делать для себя. Убирать квартиру бесплатно?!

– Нет, опять в компаньонки я не собираюсь! – Наталья остановилась перед большим зеркалом, висевшим на стене, и придирчиво себя осмотрела. Она тщательно нарядилась к приходу гостей, и, хотя многие нашли бы, что ее ярко-красное платье с вырезом на спине не очень подходит к случаю, все согласились бы, что Наталье оно к лицу. – Да и не найдешь второй Ксении... Это было исключение из правил! Я ведь согласилась на это место от безденежья, а вышло, что мы с ней стали как родные!

Она прерывисто вздохнула, но не заплакала. Плакать, по ее собственному признанию, женщина была уже не в силах – вчерашний день весь прошел в слезах.

– Хотя сдается мне, убивалась по ней только я, – сказала она, открывая балконную дверь и закуривая. – Остальные – так... Пришли явно для того, чтобы отчитаться перед Михаилом Юрьевичем. Бабы явились в бриллиантах, намазанные – это на похороны-то! Я думала, раз это ее прежние подруги, хоть кто-то слово о ней скажет, а они только выпивали и болтали о своих делах. Сперва потихоньку, а когда перепились – во весь голос. Нашли вечеринку!

У Натальи болезненно исказилось лицо – воспоминания о поминках явно не давали ей покоя. Ольга кивнула:

– А чего ты ждала? Где водятся большие деньги, там человеческих чувств не ищи. Что им твоя Ксюша, подумаешь! Они по бутикам шляются, по забегаловкам модным, по премьерам, по курортам ездят – есть им охота о какой-то больной думать! Они и пришли только, чтобы мужей не подвести, потому что те с Михаилом дела имеют. Плевали они на Ксению!

– Гадость! – Наталья замахала перед лицом рукой, разгоняя повисший дым. – Вспомню их – и хочется что-нибудь расшибить! Как я злилась!

– Хорошо, что тут расшибать особо нечего, – заметила Ника, делая знак Ярославу. Тот уже давно с нетерпением на нее поглядывал, напоминая о настоящей цели их визита. Узнав о том, что Ника увидится с компаньонкой и горничной погибшей банкирши, он настоял на том, чтобы она взяла в гости и его. Женщина была удивлена – она не предполагала, что ее новый знакомый все еще горит идеей расследования, но Ярослав стоял на своем – это дело нельзя бросить. И она попросила у Натальи разрешения привести своего друга из редакции, на что та, заинтригованная донельзя, охотно согласилась. Весь вечер она весьма выразительно поглядывала в его сторону, чем смущала Нику. Наталья явно считала улыбчивого гостя любовником подруги.

– Как она погибла? – Ника поставила на поднос опустевший бокал и сжала заледеневшие пальцы в кулаки, чтобы согреться. Со льдом в коктейлях хозяйка явно переборщила. – Теперь известно точно?

– Все то же, – женщина передернула плечами и раздавила сигарету в банке из-под кофе, заменявшей пепельницу. – Генрих Петрович накачал ее успокоительными таблетками перед выездом, чтобы она не буянила в машине, когда поймет, куда ее везут. Когда она сбежала, то сперва была слишком возбуждена, и они не сразу подействовали, а потом, на дороге, вдруг отключилась... Машина пролетела поворот, свалилась в карьер, перевернулась и ушла под воду. Воды-то там было немного, в человеческий рост, но окно в салоне было открыто, Ксения не смогла проснуться, да и была оглушена при падении, так что захлебнулась. Утонула в ложке воды... Раны-то у нее были поверхностные, все бы зажило...

– Перестань! – резко остановила ее Ольга. – Что прошло, то прошло!

– Для тебя прошло, потому что тебе плевать, а мне... – начала было Наталья тоном, не предвещающим мирного оборота беседы, но тут вмешался Ярослав. Хлопнув в ладоши, он попросил милых дам не ссориться, а лучше ответить ему на вопрос – не желают ли они стать телезвездами?

Обе женщины изумленно переглянулись, а Ника в панике закрыла глаза. Она была уверена, что затея коллеги потерпит крах в самом начале.

– Я не шучу, и Ника может подтвердить, – с воодушевлением продолжал тот. – История вашей хозяйки на самом деле может заинтересовать многих, поверьте мне как профессионалу. Что этой женщине дало ее богатство? Одиночество, купленную дружбу, – он указал на Наталью, – разрушенную семью и в конце концов нелепую раннюю смерть. А ведь не будь у ее мужа кучи денег, она бы сейчас была жива! Парадоксально, но это так! Ее бы наблюдали в обычной больнице, и плохо ли, хорошо, а лечили бы, и может, вылечили! Она бы общалась с людьми, ее бы не прятали, как прокаженную, потому что в семье со средним достатком спрятать человека довольно трудно – бытовые условия не позволят. У нее бы не было личного психиатра, квалификация которого, надо сказать, еще под вопросом. Она...

– Насчет купленной дружбы поосторожней! – грозно произнесла Наталья. – Если бы у меня был другой источник дохода, я бы жила там бесплатно!

– Простите, я не хотел сказать, что вы ее обманывали! – Ярослав прижал руки к груди, выражая чистосердечное раскаяние. – Наоборот, как раз с вами этой бедной женщине крупно повезло, ведь она могла получить совсем другую компаньонку! Какую-нибудь хитрую, жадную авантюристку, которая тянула бы с нее подарки и деньги!

– Верно! – внезапно поддержала его горничная. – Когда ты к нам пришла, я первое время присматривалась, не верила, что ты правда ее жалеешь. Честно говоря, я думала, что ты полезешь в постель к хозяину, начнешь им вертеть, а там разведешь их и отправишь Ксению в больницу! А почему нет – он же к ней не прикасался с тех пор, как это случилось, живому человеку жить хочется, а ты под рукой!

– Сдурела! – возмутилась бывшая компаньонка. – Если бы ему захотелось погулять, нашел бы и лучше и моложе! Да и нашел, сама знаешь! Он же почти не ночевал дома, чего это я полезу в пустую постель?!

– У него была любовница? – насторожился Ярослав. – Вы что-нибудь знаете о ней?

Женщины снова переглянулись. Видно было, что у каждой рвется с языка какое-то признание, но ни одна не решается заговорить первой. Наконец не выдержала Ольга. Она была непривычна к алкоголю, и выпитый коктейль развязал ей язык.

– Обвинять его трудно, он же еще молодой мужчина. – Она снисходительно пожала плечами. – Напротив, он себя очень порядочно вел, ведь давно мог избавиться от такой жены... А терпел ее, лечил, заботился! Есть любовница, конечно, и наверное, теперь они поженятся.

– Спасибо, хоть на поминки не явилась, – враждебно заметила Наталья, которую явно коробила эта тема. – Я все боялась ее увидеть.

– Так вы ее знаете в лицо?

Женщина призналась, что видела соперницу Ксении на фотографии. Как-то пол года назад, зайдя в кабинет Михаила Юрьевича в его отсутствие, она заметила на письменном столе забытые бумаги. Наталья взглянула на них случайно, увидела, что это ксерокопии внутреннего и заграничного паспорта хозяина и его фотографии. В этом не было ничего странного – Михаил Юрьевич как раз собирался съездить к дочерям в Англию и готовил документы для визы. Однако рядом со снимками хозяина на столе лежали две цветные фотографии молодой женщины. Это лицо так врезалось Наталье в память, что она узнала бы его даже в толпе.

– Там оказались ксерокопии и ее паспортов тоже, – после заминки сказала она. – Я не удержалась, посмотрела, с кем это он едет. Конечно, соваться в чужие дела некрасиво, но мне совсем не стыдно! – Она с вызовом оглядела присутствующих. – Я сделала это ради спокойствия Ксении. Надо ведь знать, что ей грозит...

Ольга лукаво усмехнулась и заметила, что, зная Михаила Юрьевича, можно было понять, что Ксении не грозит ничего.

– Просто он человек деловой, а деловые люди умеют все совмещать, чтобы не терять времени даром, – иронически заявила она. – Больную жену совмещают со здоровой любовницей, поездку к детям – сами знаете с чем... Им все надо сразу, а отказываться от чего-то они не любят. Уж я их знаю, насмотрелась! Некоторые и не скрывают ничего, считают это ниже своего достоинства. Ксении еще повезло, что муж с ней церемонился. Она так ничего и не узнала.

– Ты думаешь, это бы ее задело?

– Дамы, дамы! – умоляюще прервал их Ярослав. – Я повторяю свой вопрос – вы не хотите все это обсудить публично? Вы не думаете, что о том, что случилось с вашей хозяйкой, должны узнать другие люди?

– Вы имеете в виду ток-шоу? – догадалась Наталья. Она остановилась перед зеркалом и снова оценила свое отражение. Поправила локоны, падавшие на плечи (сегодня они опять были наполовину накладными), кончиком ногтя провела по границе накрашенных губ. Внезапно нахмурилась и повернулась к журналисту: – Заманчиво, но... Зачем?

– А затем, что эту женщину, в сущности, убили! – резко заявил Ярослав, бросив заигрывающий тон. – Ей не была оказана квалифицированная врачебная помощь, причем у нее был доступ к опасным для нее вещам, в том числе к машине! Несчастный случай? А если бы вы были за рулем – вы бы заснули?! Нет, потому что не принимали препаратов, которые принимала она! Говорю вам, у этого несчастного случая есть виновники! И прежде всего – ее личный врач!

– Я всегда считала Генриха мошенником! – снова встала на сторону Ярослава горничная. – Не знаю, хороший он врач или нет, знаю только, что драл он с Михаила Юрьевича безбожно! Не знаю, как он втерся в доверие к хозяину, но Генрих мог делать все, что угодно, ему никто бы слова не сказал! Ведь Михаил Юрьевич такой, он в быту, в здоровье, в человеческих отношениях ничего не понимает! Ему скажут – «ешьте, это вкусно», и он всякую дрянь съест и спасибо скажет! Наденет, что дадут, поспит, когда придется, отдыхать, развлекаться не умеет, собой не занимается... Только и умеет, что работать, зато уж умеет! – уважительно признала Ольга. – Где-где, а там он любого уделает! А в остальном... Таких людей беречь нужно, опекать, как детей, они и сами-то рады, когда в быту за них кто-то что-то решает... А тут беда с женой, и что делать, непонятно, а тут Генрих... Конечно, он мог брать любые деньги, он же герой-спаситель!

Ольга зло фыркнула:

– А насчет того, чтобы отдать Ксению в больницу... Да никогда! Генрих своему карману не враг! Если он собрался ее туда везти, значит, дело было совсем дрянь! Небось, рад, что она

погибла, а то бы намылили ему шею за такое лечение на дому! Разобрались бы, что он там натворил! А теперь – концы в воду, он чист, виновата Ксения! Небось, Михаил Юрьевич ему еще новую тачку купит вместо разбитой! А Генрих возьмет, с него, гада, станется!

– Вот-вот. – Воодушевленный Ярослав подскочил к женщине, взял в обе ладони ее руку и потряс. – Мы позовем отличного юриста, специалиста по медицинским преступлениям, вытаскиваем этого Генриха, и ему придется кое-что объяснить! Вы все расскажете...

– Никогда! – неожиданно ответила Ольга, высвобождая пальцы. – Вы с ума сошли, молодой человек?!

И взяв с подноса последний коктейль, Ольга жадно выпила половину. Слизнув с губ взбитые сливки, кивнула Наталья:

– А из тебя, правда, вышла бы хорошая барменша. Попробуй, чем черт не шутит. Сможешь кое-что заработать... Кстати, если выступишь в этом шоу, в бар тебя возьмут на «ура», но если там засвечусь я – меня ни в один приличный дом уже не примут. Нет, молодой человек, – обернулась она к Ярославу, – цель у вас благородная, но меня в расчет прошу не брать.

– А я... Не знаю, – растерянно проговорила Наталья. – Вы уверены, что мы не повредим Михаилу Юрьевичу? Он этого не заслужил... Нет, не могу! Я думаю, это будет неправильно, и все равно ее не воскресишь... Не могу!

– Да, журналист в тебе и правда умер, – подала голос Ника, до сих пор предпочитавшая отмалчиваться.

– Зато человек еще жив! – парировала та. – Не из всего на свете можно сделать материал, жаль, что ты этого не понимаешь! Получается, ты ездила к нам, чтобы познакомиться с героиней будущей статьи? А я думала...

Ника вскочила и, подойдя к подруге, обняла ее. Эмоциональная Наталья спрятала лицо у нее на плече и расплакалась.

– Успокойся, – Ника гладила ее по вздрагивающей спине. – Не будет никакой статьи, никакого шоу, ничего... Ты права, остался вдовец, осиротели дети, не надо им напоминать...

– А Генрих Петрович пускай дальше калечит людей! – в сердцах бросил Ярослав, видя, что его затея сорвалась. Ника сделала страшные глаза и указала ему на дверь. Пожав плечами, тот вышел. Спустя секунду лязгнул защелкивающийся замок на входной двери. Наталья подняла голову, прислушиваясь.

– Ушел? – Оторвавшись от подруги, она поправила растрепанные волосы и, посмотревшись в зеркало, стерла салфеткой размазанную помаду. Впрочем, большая часть ее макияжа уже была вытерта о плечо Никиной блузки. – Ты уж прости, но вы с ним совсем друг другу не подходите!

– Может быть, – улыбнулась та. – Я не успела понять, второй раз в жизни его вижу. Он завелся от этой истории, мечтал ее расследовать, вот и все.

– Так ты с ним не... – разочарованно протянула Наталья и внезапно тоже рассмеялась. – Какая же я дура! Совсем одичала! Ну и отлично, что он ушел! Я сделаю еще по коктейлю и больше не будем о грустном!

Ее единогласно поддержали. Гости вслед за хозяйкой переместились на кухню и, помогая Наталье готовить коктейли, завели разговор на хозяйственные темы, милые сердцу любой женщины. Ольга, опытным взглядом оценив размеры кухни, советовала, как рациональнее разместить мебель, Ника рекомендовала подруге магазин, где сама недавно заказывала занавески. Наталья, несколько оправившись от тяжелых воспоминаний, оживленно болтала, делясь возникавшими на ходу дизайнерскими планами.

– Нет, я точно буду жить здесь! – Она осторожно влила в бокал несколько капель мятного ликера. Вид у нее был сосредоточенный, как у фармацевта, готовящего лекарство. – Выкрашу стены в яркие цвета, на пол положу плитку – чтобы легче было убираться. Разведу цветы, много цветов! Выкрашу свою «девятку» в другой цвет, мне хочется красный! И сама тоже перекра-

шусь, снова стану рыжей. И устроюсь на работу по специальности, пусть даже на маленькую зарплату, у меня ведь есть сбережения! Ника, ты ведь pomoжешь, правда?

– Особенно легко могу обещать маленькую зарплату, – улыбалась та. – Пять вечеров в неделю ты будешь находить кровать на ощупь и спать в макияже, а половину выходных лежать в постели и тупо вспоминать свое имя. Зато получишь опыт работы в большом издательском доме.

– Не пугай, я не такая уж неженка! – Наталья раздала коктейли и подняла свой бокал: – Давайте за мою новую жизнь!

– И пошли тебе Боже хорошего мужика! – пожелала Ольга. – В самом деле, молода ты еще по чужим домам ошиваться, пора свой заводить. И обязательно роди ребеночка, иначе будешь, как я, на племянников работать!

Она тоже всплакнула, большей частью потому, что уже была изрядно пьяна. Наталья поспешила перевести разговор на безопасную тему и пожаловалась на то, что никак не может отыскать в привезенных из-за города сумках самых нужных вещей.

– Я в каком-то бреду собиралась, наверное, кучу всего перезабыла... Например, сегодня утром искала косметичку и не нашла, пришлось бежать в магазин и все покупать заново. Свой фотоальбом искала, хотела тебе, Ник, кое-какие фотки показать – нету.

– Альбома и я найти не могу, – вытерла глаза Ольга. – Все вещи разобрала, все на месте, а его нет. Ни альбома, ни пленок с негативами. Можно сказать, пять лет жизни куда-то пропали.

– Как это? – Наталья, собиравшаяся закурить, замерла, держа зажженную зажигалку. – Я отлично помню твой альбом, сама его положила в сумку. Розовый альбом с голограммой на обложке – его же за километр видно!

– Значит, положила мимо сумки, – ядовито возразила Ольга. Но Наталья стояла на своем – она готова была присягнуть, что альбом был упакован.

– Как я свой укладывала – не помню, а твой вижу как сейчас! Я положила его в синюю сумку с бежевыми вставками – в самую огромную! Там как раз оставалось место для альбома. Втиснула его туда и застегнула молнию.

– Ни черта там нет. – Ольга допила коктейль и приложила ладонь ко лбу. – Да ладно, может, и к лучшему, что он пропал, неохота вспоминать этот дом. Поехала я, девочки, мне отсюда до дома два часа добираться. Машины для меня не выделяют, на такси денег не дают, а вернуться будь добра вовремя!

– Еще вспомнишь старое место, и не раз! – упрекнула ее Наталья. Проводив бывшую коллегу, она вернулась на кухню и покачала головой, словно отвечая своим мыслям. Ее лицо без косметики казалось очень усталым, и Ника почувствовала жалость к подруге, своей беззащитностью и неустроенностью напомнившей ей беженку.

– Не хотелось расстраивать Олю, – сказала Наталья, с трудом открывая разбухшую форточку, – но если альбома нет, значит, среди ее новых сослуживцев кто-то ворует, потому что я точно его положила. Ладно, давай еще по коктейлю! Да я знаю, что тебе завтра на работу, но кому и когда это мешало?!

Глава 5

Нике удалось избавиться от навязчивого гостеприимства подруги только через час. Та умоляла ее остаться ночевать, уверяя, что ей с непривычки страшно в новой квартире. Ника мягко отговаривалась тем, что ребенок ни за что без нее не заснет, но на подвыпившую хозяйку этот довод не действовал. Та сердилась, капризничала и выпустила гостью, только взяв с нее твердое обещание – увидиться на днях. «Как она изменилась за пять лет! – думала Ника, спускаясь в лифте. – Наташка никогда не была такой капризной и трусливой, такой разболтанной... Что на нее повлияло – ленивая сытая жизнь или общение с душевнобольной хозяйкой?»

Выйдя из подъезда, она все еще решала этот вопрос и потому прошла мимо старенького «Форда» Ярослава, не заметив его. В себя ее привели только отрывистые звуки клаксона. Ника вздрогнула и обернулась:

– Ох, ты здесь еще?! Меня ждешь?

– Садись, – Ярослав жестом пригласил ее в салон. – Не мог же я бросить тебя вдали от дома, в таком виде!

– В каком это? – Она уселась рядом с ним, открыла сумку и, достав пудреницу, погляделась в зеркальце. – Немножко раскраснелась, ну и что?

– Немножко перебрала, – уточнил он, вырывая со двора и сигнала заигравшимся на проезжей части детям. – Женщины на удивление несамокритичны в этом вопросе.

– Тебе-то какое дело? – возмутилась Ника. Ее уязвило главным образом то, что Ярослав был прав – последние коктейли оказались лишними. У нее кружилась голова и лихорадочно горело лицо. – Знаю, ты меня подкалываешь потому, что ничего не добился. Они еще мягко тебе отказали! Я боялась, что вышвырнут, и меня заодно...

Тот мотнул головой, не сводя глаз с дороги:

– Ольга боится заработать репутацию шпионки, и она права – с ее работой лучше помалкивать в тряпочку. А вот почему уперлась твоя подружка? Какое ей дело до того, расстроится бывший хозяин или нет? Она, часом, в него не влюблена? Ты его видела, хоть на фотографии?

Ника засмеялась и сказала, что, когда Наталья бывала в кого-то влюблена, об этом немедленно узнавал весь университет.

– Она ничего не умеет делать тайком, ей нужна публика. В сущности, зря выбрала журналистику, ей бы актрисой стать... А насчет фотографий, кстати, напомнил...

История с пропавшими альбомами неожиданно заинтересовала Ярослава так, что он свернул на обочину, остановил машину и заставил Нику все повторить. Та послушалась, тем более что сейчас, начиная понемногу трезветь, и сама уловила в этой истории нечто странное.

– И пропали только альбомы?

– Ольга говорит, да. Кажется, она женщина педантичная, заметила бы другие пропажи. Наташа считает, что у Ольги ворует кто-то из новых коллег, но я не думаю... Кому нужен чужой альбом?

– Тому, кто заинтересован в его содержимом, – автоматически ответил Ярослав. – Только знаешь, такие вещи чаще воруют у звезд или у тех, на кого хотят собрать компромат. Тут что-то другое...

Он извлек из «бардачка» большое зеленое яблоко и задумчиво надкусил его. Ника давно заметила, что яблоки были для ее нового знакомого тем же, что сигареты для курильщика, – они помогали ему думать.

– Обокрадены сразу обе женщины, кражи одинаковые, значит, крал у них кто-то один. И еще там, в доме у банкира, – проговорил он наконец, опуская стекло и выбрасывая огрызок на обочину. – Не понимаю, в самом деле, кому нужны их альбомы?

– Может, кто-то из прислуги собирает такую коллекцию? – предположила Ника, отчего-то сразу вспомнив серое морщинистое лицо шофера, отвозившего ее за город. – Люди чего только не собирают. Я недавно искала материалы для статьи о коллекционерах, такого начиталась! Некоторые вещи смешны, но я их понимаю – например, какой-нибудь миллионер собирает кусочки мыла из отелей по всему миру, и чем дешевле и захолустней отель, тем ценнее для него это грошовое вонючее мыльце. Некоторые собиратели, прямо скажем, извращенцы – воруют грязное белье, ношеную обувь... А у некоторых принцип – чтобы все экземпляры коллекции были украдены, а не куплены.

– Ну да, и овдовевший банкир решил с горя пополнить свою коллекцию краденых альбомов! – фыркнул Ярослав. – Что ж, может быть. Не знаю, что и думать! Если он не хотел, чтобы они увозили снимки его дома – такое-то бывает, почему прямо не сказал? Почему пять лет разрешал им снимать?

– Ольга служила там семь лет! – уточнила Ника. – В самом деле, если он таким образом охранял свою частную жизнь, то должен понимать, что за такой срок она вполне могла отправить пару снимков своим родным!

– Но кто-то же украл альбомы! – Он повернул ключ в замке зажигания, и старенький «Форд» снова влился в поток машин. – Я хотел посмотреть на них на всех, и вот очередной облом. Ты тоже ничего не сняла... Прямо проклятие!

– У тебя еще не отпала охота заниматься этим делом? – Ника опустила стекло со своей стороны, и теплый ветер затрепал длинными концами косынки, повязанной у нее на голове. Сегодня косынка была лиловой с кремовыми разводами – один из чьих-то подарков – она уже не помнила, по какому поводу. Ее страсть к косынкам была известна всем, и по праздникам ни у кого не возникало вопроса – что ей дарить.

– Ты хочешь поднять шум вокруг гибели этой женщины, злодеем выставить психиатра... А если тот ни в чем не виноват? Ты же ничего не знаешь и судишь о нем с чужих слов. Эти женщины его терпеть не могут и, конечно, ничего хорошего о нем не скажут. Ты можешь оказаться в глупом положении.

– Вот поэтому я и хочу познакомиться с ним лично! – заявил Ярослав, останавливая машину у светофора. Ника изумленно повернулась к нему:

– Вот как?! Вперед, я одобряю!

– Ты со мной? – Его худое подвижное лицо сейчас было очень серьезным, и Нике вдруг показалось, что этот упрямый чудаковатый парень намного старше ее. – Мне нужна твоя помощь, чтобы достать психиатра.

Он объяснил онемевшей женщине, в чем дело, – оказалось, что у Ярослава уже наметился план по добыче информации. Генрих Петрович наверняка имел и другую врачебную практику, кроме погибшей жены банкира, а значит, не было ничего невозможного в том, чтобы войти в число его клиентов.

– А еще лучше – клиенток, – уточнил он. – Здесь нужна женщина, и ты отлично сыграешь богатую нервную дамочку. Я хочу понять, какими методами он пользуется, чтобы входить в такое доверие к богатым людям. Это надо же – ведь муж Ксении отказался от любых других врачей, хотя мог бы, наверное, купить целую клинику!

Первым желанием Ники было наотрез отказаться – ввязываться в авантюры вообще было не в ее правилах. И без того в ее размеренной жизни появилось слишком много лишних тревог и загадок – стоило встретить старую подругу... Она хотела сказать «нет», но отчего-то смолчала, продолжая слушать Ярослава. Теперь хмель совсем прошел, его будто выдуло теплым вечерним ветром, бившим в окно машины, и то, что говорил ее спутник, уже не казалось ей ни бредовым, ни невозможным.

– Завтра позвонишь подруге и спросишь, как фамилия этого Генриха Петровича. Не знает – пусть поинтересуется у бывших коллег, кто-то же там остался, в этом заколдованном

замке! В крайнем случае, может связаться с самим банкиром, пусть соврет, что психотерапевт нужен ее знакомой. Узнаем фамилию, и я тебе через пять минут найду его в лучшем виде – где и когда принимает, сколько берет, как давно практикует, что окончил...

– И я пойду к нему на прием, – иронично улыбнулась женщина. – Интересно, как мне там держаться? О чем говорить? Я понятия не имею, как себя ведут богатые нервные дамочки!

– Да как все женщины на свете! – в сердцах воскликнул он. – Жалуйся, что тебя не понимает муж, что после рождения ребенка ваши отношения остыли, тебе одиноко, жизнь превратилась в сухую схему...

– Откуда ты знаешь? – невольно вырвалось у нее, и Ника тут же смолкла, смущенно отведя взгляд. Ярослав после паузы сказал, что проблемы, в сущности, у всех людей одинаковые.

– Просто у некоторых больше денег.

– Кстати, о деньгах. – Ее щеки все еще горели от неловкости – Ника краснела легко. – Кто будет оплачивать эти сеансы?

Но и здесь у Ярослава был готовый ответ, в прах разбивший ее последние сомнения. Оказалось, что он располагал небольшой суммой свободных денег – по его расчетам, этого должно было хватить на десяток сеансов, пусть даже самых дорогих.

– А там посмотрим! Главное, чтобы ты согласилась! – жизнерадостно заключил он. – Ну, что сомневаешься? Будешь спокойно решать за мой счет свои настоящие проблемы, они есть у всех, и стыдиться тут нечего. Хуже, когда человек отрицает, что они у него есть. Есть такие, особо стыдливые... Доводят себя до инвалидности, потому что боятся откровенничать. На сеансы будешь брать с собой диктофон. После каждого свидания с Генрихом отдавай кассету мне. И все – гуд бай! Дам кое-какие инструкции, как с ним держаться, на что наводить разговор... Думаю, это будет интересно!

– И накладно, – напомнила практичная Ника. – Ты же понимаешь, что, даже если получится материал, этих расходов тебе никто не компенсирует. Не жаль денег?

– А на что мне их тратить? – Рука Ярослава потянулась к бардачку, где он хранил запас яблок, пошарила там и, ничего не обнаружив, разочарованно вернулась на руль. – Вот черт, забыл купить! Знаешь, когда кончаются эти фрукты, я прямо места себе не нахожу. Мне важно знать, что они у меня есть. Не возражаешь, если остановимся у какого-нибудь магазина?

Его голос звучал наигранно-беспечно, Ярослав как будто подшучивал над своим пристрастием, но Ника видела – ему не по себе. Она улыбнулась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.